

Андрей Серeda

Дневник странника

Челябинск,
Циcерo
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
С32

*Издано при финансовой поддержке
АНО «Скорая педагогическая помощь»
Директор И.Н. Кунаккильдина
8 90 90 55 00 (раб. тел.)
8-908-091-25-59*

С32 **Серeda Андрей**
Дневник странника. — Челябинск : Цицеро, 2008. — 72 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Серeda А., 2008.

3 января

Дневников не писал никогда.

И не потому, что с бумажным листом поговорить не хотелось. С ним-то как раз приятнее всего: он все стерпит.

Очень боялся, что мои откровения кто-нибудь прочитает. Вовсе не из-за того, что вдруг откроются какие-то страшные тайны или что-то постыдное. Ведь это же кусочек моей души. И что же, значит, теперь любой может запросто взять его? Немытыми руками? А если даже и вымоет руки, еще ведь неизвестно, что он с этим кусочком сделает. От одной лишь мысли об этом мороз по коже подирал. Совершенно нормально иметь особую личностную территорию, куда прочим доступ закрыт. Такое право имеет каждый. Даже малыш из детского сада.

И сколько же раз приходилось видеть (да чего там, чувствовать!), как часто и вероломно это право нарушается. Как любим мы подслушивать, подглядывать, обсуждать чьи-то поступки, чувства или даже просто мысли. Причем не по злобе, а просто так, из досужего любопытства. И результат таких нарушений может оказаться совершенно непредсказуемым. Ага, вот оно, значит, что? Ты, оказывается, чего-то там еще и ДУМАЕШЬ?

Не зря же очень хороший поэт Николай Малахов (наверное, в отчаянии) написал: «Не читайте чужих дневников! И своих дневников не пишите, Потому что их могут прочесть...»

Вот потому и не писал.

Но времена меняются.

Седина в волосах все гуще, а бес в ребре все активной. Все чаще хочется обратиться к людям (Эй, люди!..) напрямую, без посредства каких-то художественных образов. Быть может, подвести какие-то итоги (надеюсь, предварительные!). Поразмышлять, посоветоваться. Рассказать немного о себе, о друзьях, о самых близких людях. А быть может просто поговорить. Сейчас, в толкотне и спешке, этого так не хватает...

10 января

Идет по улице пьяный. Глухая ночь, кругом — ни души. Так вдруг ему, бедолаге, стало тоскливо и одиноко! И заорал он что было мочи:

— Лю-ю-д-и-и!..

Никого.

И снова:

— Лю-ю-д-и-и!..

Кое-где стали зажигаться окна.

— Лю-ю-д-и-и!!!

Стали потихоньку подходить по одному.

— Лю-ю-д-и-и!!!

Собралась толпа. Кричавший окидывает лица замутненным взглядом и удивленно спрашивает:

— Люди!.. А почему вы не стите?..

Опять что-то не спится. Давят стены и потолок с отсветами от проезжающих машин. Бывает, что навалятся вдруг воспоминания. Не свои, так чужие. И так много в этих воспоминаниях родных и близких людей, которых уже нет рядом... Нет, нечего мне сейчас делать в этой родной уютной комнате. Ночью — тишина, никто не отвлекает. Самое время для странствий. Воображаемых, конечно. Видно, так уж

выпало мне вести двойную жизнь, время от времени уходить от реальности в самим же и придуманные миры. Туда, где хотя бы чуть-чуть меньше злобы и фальши. Где преклоняются перед любовью. Где детям говорят «да» чаще, чем «нет»...

Они очень странные, эти миры. Неверно думать, что сочиняю и записываю все эти истории. Казалось бы, если сам придумал их, мне ими и властвовать. Ан нет, их обитатели живут своей самостоятельной жизнью и далеко не всегда подчиняются моим желаниям. Так и проходишь по воображаемой дороге, то и дело удивляясь открывающимся картинам и внутреннему голосу, который терпеливо объясняет неотразимую логику происходящего: «Нет, не полюбит она его». «А вот на такой поступок он просто не решится!». Он очень убедителен, этот голос. С ним не поспоришь.

Именно ночью есть шанс пройти по этой воображаемой дороге намного дальше, чем днем. Бывает, что и стихотвореньице напишется. Или блеснет вдруг неограниченным камушком новый сюжет, над которым еще работать и работать.

И нет в этой работе ничего особенного. Кто-то детали точит. Кому-то выпало шить одежду. А я вот все время слова ищу какие-то особенные. И всегда хочется найти ёмче, сочнее, ярче. Бывает, что и найдешь. Тогда — праздник! Слова, образы, образчики, а иногда и образины очень похожи на одежду. Что отыщешь, из того и сошьешь. По тому и встретят. По тому будешь и ножки протягивать... Впрочем, все как у всех.

Давно уже пытаюсь на этом поле ягодки собирать, а все никак не привыкается. Вздрагиваю, когда вдруг назовут по отчеству. Прежде всего потому, что никак не могу со своим возрастом свыкнуться. Давно уже вроде бы не мальчик, а в голове не то, что ветер — шторм, стихийное бедствие личного пользования... И еще потому, что не положено отчество авторам, только имя и фамилия. Потому что по главному

счету воюешь ты в этом поле один. За все, что сотворил и натворил только с тебя одного и спросится, будь ты хоть самого высокого родства узник. Поставил свое имя на обложку — никаким отчеством не прикроешься.

Кстати, вроде бы удалось состояться в общественном мнении (или, как говорят рекламисты, позиционироваться), как автор. Но до сих пор не могу привыкнуть, и чувствую себя очень неудобно, когда вдруг кто-то говорит: писатель, поэт. Особенно, если так скажут дети на улице.

Иногда постоит какой-нибудь мальчишечка, посмотрит и удивленно спросит: «А вы, наверное, богатый?» Видимо, моя коляска на аккумуляторах, маленькое чудо техники, наводит на такую мысль. Но вообще-то на подобные вопросы я всегда отвечаю утвердительно. Из принципа. Что бы ни думали другие, считаю себя по-настоящему богатым человеком. В духовном плане. А в плане материальном продолжаю посылать во Вселенную сигналы. Может, правда, это гипноз такой: «Я богатый! Я ужас какой богатый!» Особенно когда на проспекте продам очередную свою книжку и подъезжаю к киоску, чтобы купить газировки или булочку. Денег-то еще вон сколько остается!

Идет по лесу Медведь. Вдруг видит, ползет Улитка. Изо всех сил ползет, можно сказать, удирает на всех скоростях.

— Улитка, что случилось? Куда это ты так бежишь?

— Ой, Миша, беда! Ты разве не слышал, что в лесу налоговая полиция объявилась?

— Ну и что?

— Как это «ну и что»? У меня — дом, у мужа — дом, у детей — по дому. Посадят ведь!

Постоял Медведь, подумал и тоже побежал что есть мочи.

Навстречу ему идет Лиса.

— Миша, что случилось? Куда это ты так торопишься?

— Ой, Лисонька, пропали мы! Ты разве не знаешь, что в лесу налоговая полиция объявилась?

— Ну, так и что с того?

— Как это «что с того»? У меня — шуба, у жены — шуба, у детей — по шубе. Посадят ведь!

Лиса постояла немного и тоже пустилась наутек.

Навстречу ей Обезьяна.

— Лиса, что это с тобой? Куда это ты так несешься?

— Ох, Обезьяна, плохо! Ты разве не слышала, что у нас в лесу налоговая полиция теперь?

— Ну, и пускай себе!

— Ничего себе «пускай»! У меня — воротник дорогой, у мужа — тоже и у детей — по воротнику. Посадят ведь!

Постояла Обезьяна, подумала и тоже рванула было что есть сил. Бежала-бежала, а потом остановилась и думает: «А куда же это я бегу, с голым-то задом?»

13 января

Какой праздник — самый что ни на есть наш, отечественный? Правильно, Старый Новый Год. Тут мы всех превзошли. Говорят, мало кому из иностранцев удается понять, чего мы в этот день празднуем. Пускай завидуют. Второй раз, как говорится, всегда лучше. Душевно, как-то особенно по-домашнему. Есть еще один повод подумать о временах, о людях, о прогрессе, о науке какой-нибудь. Например, о химии.

А что? Химия — поистине великая наука. Все окружающее разложено на определенные компоненты, которых, кстати, оказывается, не так много. И занесены они все в строгую табличку, хитроумную модель всего мира. Компоненты эти сталкиваются, разлетаются, взаимодействуют. Короче, бурлит постоянно эта атомная масса, которая на самом деле со-

всем не каша, все в ней обусловлено и просто так ничего не происходит. Говорят же, что человек — это ходячая таблица Менделеева. Бывает, впрочем, и лежачая. Или ползучая. Или сидячая, вот вроде меня.

Что ж, как говорится, в семье не без урода...

Раньше не принимал этого слова, сторонился его, как мог. Сейчас уже смирился. Слово — оно ведь явление какое-то отражает. Или предмет. Когда-то где-то произошел в атомном бурлении некий сбой, не предусмотренный так называемой нормой. Какой-то атом не так прореагировал, сцепился не с тем, с кем нужно, не та молекула получилась. Вот и уродилось на свет нечто непривычно получившееся.

Зовут меня инвалидом с детства, группа самая-самая. То есть первая. Ходить самостоятельно не дано. Спасибо, что хоть руки-ноги работают. Слабые, правда, но ничего, шевелятся. В общем, повод для печалей, конечно, есть. А у кого его нет? У каждого поводов для уныния может найтись хоть по десятку на день. А зачем? Непродуктивно это, не рационально. И к тому же, как говорят, самый большой это грех...

Если получилось непривычное тело — это плохо, но не безнадежно. Если неудачная голова — худо, но не трагично. На Родине нашей таких людей недаром блаженными зовут. Нет в них зла. Только добро. А добро и есть самая наипервейшая благодать. Бывает, однако, и худо, и безнадежно. Это когда душа неправильной получается.

Вот тогда и выходит не человек, а чудовище. Между прочим, таковые особи вроде как никем ущербными не считаются, и никто не зовет их ни уродами, ни инвалидами. Наоборот. Их таблица Менделеева всегда в полном порядке. А вот души-то и нет. Потому что неполучившаяся душа — это и не душа вовсе, а что-то вместо. Ведомость, где четко все расписано: чего кому и сколько. Причем собственно обладатель такого душезаменителя — всегда мыслится под номером первым.

И получается уже не жизнь, а прямо какой-то забег на десять тысяч с барьерами. Ну, а в качестве приза все жаждут кубков (естественно, чем-то наполненных). Хотят каких-то наград, премий. Подчас так тяжело глядеть, как стараются в поте лица, сердешные. Для себя ведь, не для людей. А жить-то и уже и некогда.

А поговорить?..

Обмен SMS-ками. Мимолетные встречи на улице: «Ты как? — Нормально. — А ты? — Потихоньку»... И снова — по своим заботам в разные стороны. Броуновское движение... Спешка, суета... Надо, хотя бы иногда, делать и привалы. Чтобы и поговорить не спеша, вволю. И песни хорошие попеть. И при этом обойтись без извечного русского «стимулятора». Просто не торопясь вспомнить все хорошее или не очень, что происходило в жизни.

17 января

Как-то хорошая знакомая в разговоре случайно обронила: Подарок Судьбы. Попросил объяснить подробнее, что под таким подарком понимается? Оказалось, что Подарком Судьбы она считает любое произошедшее в этот день духовное событие. Хороший спектакль, на котором удалось побывать, волнующий фильм, который довелось посмотреть. Одним словом, то, что тронуло душу и позволило ей — душе — хоть немного вырасти. Подарком Судьбы может стать, казалось бы, и не такое уж примечательное событие. Так можно назвать и встречу с каким-то человеком или просто интересный разговор. В собирании духовных ценностей любая подобная «мелочь» может стать точкой отсчета в новом полете, в новом труде беспокойной, мятежной души.

И сразу же подумалось: не так уж это и трудно — прочесть наконец-то умную книгу, свести интересное знакомство или просто сходить (наконец-то!) в театр. И почему бы

не порадовать себя каким-нибудь подарком? Отчего бы не сделаться (в духовном плане) хотя бы немного богаче?

Без всякого преувеличения могу назвать себя счастливым, богатым человеком. Не обделил меня Господь друзьями и время от времени доводится встречать интересных, ярких людей. И такие встречи — настоящие Подарки Судьбы.

Когда-то давно (а может быть, совсем недавно!) одна знакомая сказала мне: «Вам обязательно надо познакомиться». «Ладно, — говорю. — День рождения? Цветы купить? Это можно»... И вот — зрительный зал, украшенный разноцветными бабочками и наполненный — правда, из динамиков — птичьими трелями. Новый Художественный Театр дает спектакль «Абрикосовый рай». Моя будущая знакомая играет в нем одну из главных ролей.

Поначалу я заволновался. Сцена — высоко. Яркий свет, красивые костюмы. Недосыгаемой показалась в ту минуту прима Нового Художественного. Но вот спектакль закончился, она спустилась в зал и подошла к первому ряду, где стояла моя маленькая старая коляска. А на десятой минуте разговора оказалось, что мы знакомы уже всю жизнь. Так удивительно совпали наши души, что заслуженная артистка России Лилия Николаевна Корнилова сразу же стала мне очень близким, родным человеком...

Есть люди, которые постигают какое-то ремесло или науку, напрягая все внутренние силы — память, волю, мыслительную деятельность. Это старательные ученики, сосредоточенные на достижении поставленной цели. И, как известно, путем упорного труда можно добиться определенных результатов.

Но есть другие. Те, кого поцеловал в темечко Господь. Те же результаты они достигают легко и непринужденно. Они могут достичь много большего, следуя за тем, что называется Талант. Что такое Талант? Это, прежде всего, колоссальная

интуиция, умение слушать и слышать таинственную музыку звездных сфер. И, следуя этому наитию, чутью, творческому слуху, можно сколько угодно странствовать по тем самым звездным тропинкам и будто бы шутя, с очаровательной легкостью находить сокровища, которые старательному, но, увы, обычному человеку вряд ли услышать и различить.

Благодаря своему феноменальному наитию, она необыкновенна во всем, за что берется. Нельзя выдавать чужие тайны, но очень хочется, чтобы когда-нибудь настало время для маленьких рассказиков и совершенно оригинальных, бередящих душу стихов, пьесок, и еще даже не знаю чего. Все это записывается на отдельных листах (а иногда и клочках) бумаги и хранится невесть где с ошеломляющей небрежностью. Бывает, что и выкидывается по недосмотру... Настанет, обязательно настанет время и для этого. Ибо это тоже очень талантливо, ярко, необычно. Одним словом, перлы. «Пёрлы», как она сама говорит. Сотни раз поражался, с какой легкостью высказывают из нее такие жемчужины.

В Институте культуры Лилия Николаевна училась. Но вряд ли это имеет какое-то принципиальное значение. Талант, помноженный на жизненный и творческий опыт, вывел ее не просто на высоту сцены, но на выси поистине космические.

Это действительно так, потому что в характере этой без преувеличения гениальной актрисы совершенно нет ничего от человека, выходящего на сцену. Не говоря уже об отсутствии каких-либо черточек «звездности», даже самых маленьких. Она проста, открыта и совершенно не умеет врать, даже по мелочам. Более того, такой же она остается и на сцене. Даже когда играет столетнюю старуху-француженку с потрясающе зловредным характером. Какой-то весьма симпатичной она у нее получается...

Невозможно даже рассказать, сколько она мне помогала. Всего даже и не упомянуть. Это в ее натуре — помогать всем,

а самой оставаться в стороне. С удивительной легкостью находить контакт практически с любым. И всегда видеть в людях только хорошее. Восхищаться чуть ли не каждым.

В принципе, так оно всегда и надо. Если улыбаешься и протягиваешь навстречу людям открытую ладонь, разве могут люди ответить как-то иначе?.. Смеетесь? Понимаю. И мне эту открытую ладонь тоже отшибали. И не раз. Потому и живу уже с опаской, не спешу ладошку протягивать. Целее будет. А уж сколько раз доставалось Лилии Николаевне, знает только она сама. Не раз приходилось слышать, как о ней говорили: «Человек без кожи». Ох, и трудно таким жить на свете! Полная незащищенность и боль целого мира. Но такой дар не только жесток, но и бесценен. Лишь обладая им, можно лучше всего понять других людей. И снова вытягивать открытую ладонь, уже переболев боязнью, что кто-то может ахнуть в нее камнем. Может. Ну и что? Жить по-другому она просто не умеет. Поплачетса только иногда самым близким. А потом пойдет дальше в своих странствиях, и будет улыбаться. Еще один ее талант — очень тонко чувствовать и выделять смешное. Не смотря ни на что, она будет смеяться и рассказывать анекдоты. Не могу удержаться и приведу один из ее любимых:

Охотники вырыли в джунглях большую яму-ловушку. Попался в нее Лев.

Шла мимо Обезьяна, увидела несчастного, залезла на большую пальму около ямы и давай глумиться:

— Что, кошка драная, попался? Хе-хе, ну и какой ты теперь Царь Зверей? Вот погоди, придут завтра охотники, увидим тогда, какой ты Царь. Тьфу, кошка ты драная! Сиди-сиди, недолго тебе осталось. Сдерут с тебя шкуру-то, ой, сдерут! А мне из лап твоих тапочки сделают. Эх, кошка ты драная!

Долго дразнилась так Обезьяна, и вдруг ветка, на которой она сидела, обломилась. И скатилась она в ту же яму, упала прямо перед львиной мордой. Онемела от неожиданности. Еле отойдя от испуга, заговорила:

— Лева! Ле-ева! (Бьет себя кулаком в грудь) Вот не поверишь! Специально спустилась, чтоб извиниться!..

25 января

В конце января наползает на сердце какая-то беспричинная печаль. Хотя, почему же беспричинная? Причина есть и вполне весомая. 25 января — день рождения человека, сыгравшего огромную роль в моей жизни. Женщины, о которой вспоминаю постоянно, хотя ее давно уже нет со мной. На этих страничках я обязательно должен рассказать о ней, о Татьяне Павловне Трошиной, тете моей матушки, которая долгие годы присматривала за мной в то время, когда родители были на работе.

Татьяна Павловна была поистине необыкновенным человеком. Жизнь обошла с ней очень неласково: от рождения один ее глаз не видел совсем, другой — лишь вполовину общепринятых норм. Однако, она могла читать! Хотя и с большим трудом. До сих пор помню, как она подносила книгу близко-близко, почти вплотную к «рабочему» глазу и терпеливо одолевала строчку за строчкой. И с перерывами ей удавалось прочесть не так уж мало. Правда, самостоятельно она читала лишь отдельные книги. Газеты из-за мелкого шрифта были ей недоступны. Но в таких случаях, а еще когда ее глаз уставал, приходило время работы для меня. И, помню, очень старался, подражая радиоголосам ее любимой передачи «Театр у микрофона».

Понятно, что с таким недостатком зрения ей всю жизнь доставалась самая неблагоприятная работа — уборщицы в какой-нибудь конторе или нянечки в детском саду. Или просто

сидеть с детьми. Мы со старшим братом Александром были последними, но не единственными ее воспитанниками. Сейчас, наверное, мы бы назвали ее домработницей. Но Татьяна Павловна делала намного больше, чем домработница. Она воспитывала, возвращала души своих подопечных, прививала им такую житейскую, простую и одновременно очень возвышенную мораль и нравственность. Как будто по кирпичикам фундамент души возводила. Долгими наставленьями не поучала, но была человеком строгим и принципиальным.

Многие детки кличут своих бабушек «баба». Никто не видит в этом ничего неправильного. По малолетству так называл Татьяну Павловну и я. А ей, оказывается, не нравилось! В один прекрасный день получил я «внушение». «Не называй меня “баба”. Это нехорошо, грубо». Человеком она была эмоциональным и объяснять умела доходчиво. Помню, растерялся: «А как же тогда называть?» Стали вместе думать, искать подходящее слово. Даже соседку тетю Зою привлекли на помощь. Уже и не вспомнить, почему забраковали слова «бабушка» и «бабуля». И не вспомнить, откуда вывернулось мягкое словечко «бабонька». Но выбор наш остановился именно на нем. Так почти всю сознательную жизнь и звал Татьяну Павловну «бабонька». Словом ласковым и каким-то круглым. Как солнышко...

Характер у бабоньки был непростой. Если хоть что-то по ее мнению было неправильно, спуску не давала никому. Могла вспылить, наговорить резкостей. Могли появиться у нее и какие-то капризные странности. Жила она отдельно от нас. Помню, после «разборок» мы с мамой целое утро (отец уходил на работу рано) со страхом думали: «Вдруг не придет». Нет, идет. Вот в дверь звонит... Бросить она не могла никого, это было не в ее правилах. И высшим мерилом всего для нее была честность. А главным принципом — жить по совести, по справедливости.

Нравственный стержень, который, словно добрую ветку на кривую яблоньку, привила она мне в детстве, остался на всю жизнь. Именно он позволил смотреть на мир, на людей по-доброму. Только так можно проникнуть в человеческую сущность, увидеть ее в истинном свете. Никогда не уставал удивляться, как бабонька — выросшая в деревне простая русская женщина — умела понимать и любить людей. Как умела она принимать жизнь такой, как она есть. Очень редко слышал от нее жалобы. Разве что темным зимним предвечерем, когда мы с ней довольно часто «сумерничали», сидели, не включая свет. Как-то ближе становились мы друг другу в такие минуты. Попоем ее любимые песни — «Хороши весной в саду цветочки», «Пропел гудок заводской», «Сухой бы я корочкой питалась» — а потом вздохнет и обнимет: «Горемыки мы с тобой!» Хотя уж она-то наверняка знала: горе мыкать некогда, надо жить.

Почти до самого своего ухода Татьяна Павловна была очень бодрой. Помню, как в дни важных сельскохозяйственных работ (например, копки картошки) приходила она к нам ни свет, ни заря и порой удивлялась: «Так вы ишо спите?» Такая вот, пожилая уже, но очень «анергичная» женщина. Однако, со временем и на ней начали сказываться годы. Каждый январь она говорила, что уж в этот раз отмечать свой день рождения не будет, тяжело, мол. И каждый раз вновь и вновь «вылизывала» свою комнатку и приглашала гостей. Стол переполнялся самыми разными вкусами, и радушию бабоньки не было предела.

Иногда начинала вдруг вздыхать: «Не залежаться бы...» Невыносима ей была сама мысль о том, что она может в старческой своей немощи стать хоть кому-нибудь обузой. И ведь все вышло, как она хотела! После инсульта прожила она всего неделю (эти дни были каким-то нереальным кошмаром!). И ушла тихо, почти незаметно, в серый предутренний час...

Никогда, никогда больше не услышать мне ее голос. Никогда больше не писать под ее диктовку поздравительные открытки многочисленной родне: «Добрый день, здравствуйте дорогие Прокопий Дмитриевич и Серафима Ивановна!»

Уходят, уходят навсегда старые люди. Уходят безвозвратно эпохи. И может быть, даже солнце светит теперь как-то по-другому...

4 февраля

Сегодня — воскресенье. А значит с утра, довольно рано, позвонят в дверь. Придет мой давний, очень давний друг Борис. Мы познакомились, когда ему было всего восемь. Тогда этот пухленький кудрявый обаяшка значительно выделялся своим развитием не только среди сверстников, но и среди старших ребят. Хотя дело не в развитии. Уже тогда Боря был очень надежным человеком, настоящим мужиком. А настоящих мужиков я очень уважаю.

Сейчас он уже студент. Окончил медицинский колледж, поступил в педагогический университет. Но обаяния и надежности не растерял. Именно благодаря ему движется эта достаточно авантюрная затея под названием «Творческая студия «СОЛО».

А это значит, что сейчас мы зайдем в близлежащий универсам «Диета» и купим что-нибудь вкусненькое. Лучше бы такой маленький торт «Ромашка», наши подопечные особенно его любят. А потом — к остановке, где терпеливо дежурят те, кто занимается частным извозом. Ехать на дальнюю окраину города, в школу-интернат. Сегодня очередное занятие, снова будем репетировать наш маленький спектакль, который уже наделал довольно большой шум.

...Так, приехали. Расплатиться с шофером и сразу — на второй этаж мрачноватого корпуса, в группу, где нас уже ждут одиннадцать деток, восемь мальчишек и три девочки.

Борис по узкой равнодушной лестнице затаскивает меня в коляске на второй этаж. Человек он достаточно сильный, но тут все-таки очень важна сноровка. Но все в порядке, он приспособился лихо затягивать меня вверх и аккуратно опускать вниз. Стук в дверь. «Здравствуйте!» — воспитательнице. «Здравствуйте, ребята!» В ответ — два-три радостных, остальные — хмурые взгляды...

Они не говорят «роль», они говорят «слова».

— Слова выучили?

— Да, выучили,

Попробуй у них по глазам что-то прочитать. Полнейшая убежденность в собственной правоте...

— Тогда — поехали!

Уже потом, намного позже, обнаружил, что каждый раз начинал с этого гагаринского восклицания. Выходило как-то само собой, не намеренно. Все-таки интуитивно чувствовал: это ДРУГИЕ дети. И работать с ними — все равно, что лететь в совершенно неведомый космос...

Опять Настенька забыла текст! Все же правда: у девочки серьезные проблемы с памятью. А ведь у нее одна из главных ролей, белочки Рыженьки. Этих самых «слов» — не одна страница. И премьеры — уже не за горами.

Терпение! Работать и работать! В оригинальной сказке «Три поросенка» белочки нет. Вполне хватает «разборок» братьев и кровожадного Волка. В моей пьеске «Секрет Нифнифа» младшему из братьев, самому доброму и совершенно непрактичному, не сумевшему построить свой домик, обязательно нужна была какая-то поддержка извне. Ведь он противостоит чуть ли не всему свету: и братьям — жадному Наф-нафу и ленивому Нуф-нуфу, и наглому захватчику Волку. Так появился образ подружки-белочки, доброй и открытой. Но здесь, в интернате, жизнь строится по беспощадным «зэковским» законам. Доброта и искренность здесь только

мешают. Когда к Новому году стало ясно, что та, на кого «ставил», играть не будет, пришло время тихой паники: где взять белочку?

И вдруг перед праздниками именно в «нашу» группу поселили новенькую. Чуть неловкие движения, светлая челка, прозрачно-беспомощный голубой взгляд. И настоящее сказочное имя, Настенька. Стало очевидно, что белочку нужно играть ей. Она-то согласилась сразу. Но если бы мы только знали, какие проблемы ждут нас из-за ее плохой памяти!..

...Все, уже два с половиной часа, как мы в интернате. Пора и честь знать. Собираемся. Кто сегодня идет нас провожать «до дороги»? Насте нельзя? А почему? Убираться? Ладно...

Едва успеваем до отъезда промокнуть Настеньке слезки. Ничего, в следующий раз проводишь. Не горюй, это же всего через неделю. А сами понимаем: Волк не только на сцене крут, в жизни Андрей тоже никому спуска не дает (потому и подошел на эту роль). Того гляди и правда достанется сегодня Настеньке за то, что из-за ее ошибок пришлось Волку лишние разы проигрывать уже хорошо выученные им сцены. А прикрыть тут мы ее уже не сможем, в интернате мы все-таки посторонние. Вот и приходится бесцветными утешениями отделяться. Противно!.. Но приходится терпеть...

Так все-таки, кто с нами? Валя, самая «правильная» девочка в группе. Михайлова, известная подлиза. Андрей, который играет Ниф-нифа. Вот, пожалуй, и весь наш «актив». Те, ради которых и хочется сюда ездить, продвигать наш благотворительный проект, официальной постоянной поддержки которого мы так и не дождались

До свиданья, до свидания... У дороги нас покидают провожатые, и дальше мы с Борисом спешим через парк, чтобы двумя троллейбусами с пересадкой добраться до дома. Так уж мы с ним договорились поделить затраты, денежные и физические.

12 февраля

Дня не проходит без новости о том, что где-то народился на свет новое общественное объединение. Кучкуются люди. По разным социальным группам, по интересам или по каким-нибудь другим мотивам. Если общих интересов много — это уже почти политическая партия. Вместе бороться за какие-то цели намного легче.

Бывает, что людей объединяет кто-то сверху.

Как-то давно, еще в начале 90-х, приходили ко мне в гости самые разные люди. Времена были лихие, и лучше было не слишком доверять всяческим деловым визитерам. Тогда в законе были льготы для предприятий, использующих труд инвалидов. Наобещает тебе какой-нибудь «благодетель» работу с хорошей зарплатой и прочие золотые горы, спишет данные твоего паспорта и исчезнет. А потом вдруг выяснится, что ты, оказывается, давно работаешь в какой-нибудь преуспевающей фирме и получаешь очень неплохие денежки. Наверное, вплоть до ликвидации тех самых льгот «гуляли» данные, мои и моих братьев, по разным бухгалтерским книгам. Немало жуликов нажились тогда на нашей доверчивости. Особенно хорошо запомнил одного. Уж как он пытался убедить меня в собственной честности! Все великие актеры отдыхали! Но к тому времени я уже кое-что раскумекал, и паспорта моего этот «бизнесмен» так и не дождался.

А однажды появился совсем необычный человек. Олег Леонидович Смирнов сразу как-то сумел расположить к себе. Весь какой-то круглый и мягкий, с хитроватым прищуром глаз. Сразу почувствовалось, что жизнь изрядно примяла этого немолодого человека. Потом я узнал, что в его детстве была эвакуация из блокадного Ленинграда, была служба в армии, была «ходка» «на зону». Может, не одна. Кличка — «Ленин», по отдаленному внешнему сходству. А с предло-

жением он пришел и вовсе необычным. Ты что, институт закончил? С отличием? Молодец. А работы нет? Понятно. Знаешь, создается общественное движение инвалидов «Лилия». Хочешь с нами? Нет, взносов никаких не надо. Просто ты будешь наш — и все. И паспорт твой мне не нужен. На вот тебе, на первое время. Ты же теперь наш.

О его хозяйственной деятельности знаю мало. Была где-то на селе ферма. Потом ее, кажется, спалили. В смысле, сожгли. Продавались какие-то машины. Все делалось для того, чтобы поддержать маленькое литературное сообщество, что сформировалось у нас в городе. До сих пор вспоминаю литературные вечера, которые проводились тогда на северо-западе, в библиотеке № 26. Заведующая читальным залом Елена Борисовна Тимошенко с неподдельным радушием встречала всех, кто нуждался в самовыражении души. И, благодаря редкому таланту этого необыкновенного человека, такую возможность получали все. Сколько было прочитано стихов, сколько спето песен! Сколько глаз засияло благодарным светом. На этих вечерах побывал тогда, наверное, весь челябинский литературный «бомонд». Позже в большом частном доме поэтессы Людмилы Овчинниковой стали проходить занятия литературного объединения. Ни инвалидные коляски — как у меня и у Людочки — ни костыли, ни трости не могли помешать тяге к творчеству. А занимались с нами истинные «мэтры»: Николай Иванович Година и Атилла Бакиевич Садыков. Немного позже занятия стала проводить, без сомнения, одна из самых талантливых поэтесс нашего времени, Нина Александровна Ягодинцева. Был издан первый в России сборник поэтов-инвалидов «Соцветие «Лилии», позже — «Челябинские акварели», где наши опыты соседствовали со стихами поэтов-профессионалов, еще немного позже — сборник песен на наши стихи. О. Л. на занятиях литературного объединения появлялся нечасто, но мы все

постоянно чувствовали его поддержку. Благодаря его помощи начали выходить наши «сольные» книжки. К нашей «волне» присоединились преподаватели музыки из школы искусств № 8. Они написали на наши стихи множество красивых песен. Впоследствии они составили не один нотный сборник. И это еще не все! Елена Борисовна Тимошенко, заведующая читальным залом, а впоследствии и всей библиотекой № 26, неожиданно для всех засияла, словно удивительно яркая звездочка. Она стала писать стихи, светлые и пронзительно-нежные. Позже вышел ее сборничек, ставший для многих женщин — и не только женщин! — настольной книгой. А название-то какое, «Солнечные нити»!.. Что бы впоследствии ни говорили об О. Л., какие бы противоречивые суждения о нем ни приходилось слышать, созданная им «Лилия» словно всех нас соединила солнечными нитями, стала серьезным трамплином для многих, взошедших на звездные тропинки. Такой вот равнодушный человек. А мог бы и не дергаться. Тратиться только на себя, жить спокойно и не зарабатывать лишних морщин.

Встретились как-то раз Лицо и Та, Что Созди.

— *Слушай, я не пойму, — говорит Лицо. — Я старею, на мне с каждым годом все больше морщин, кожа дрябнет, на косметику траты. А ты как была круглая да гладкая, такой и остаешься. Как так, в чем секрет?*

— *А ты делай как я, — отвечает Та, Что Созди. — Какай на всё!..*

Есть в восточной философии такое понятие — эгрегор. Что-то вроде колхоза на духовном плане. Так вот, в свои лучшие времена «Лилия» была удивительно теплым эгрегором для многих мятущихся душ. Не оттого ли каждый из нас, одолевающий сейчас свои звездные тропинки смот-

рят на эту стартовую площадку с неподдельно светлой тоской?

17 февраля

Блестящие поверхности составленных в шеренгу библиотечных столов придают читальному залу дополнительную перспективу и загадочность. Мы стараемся приезжать раньше всех, поэтому гости клуба еще не собрались. Клуб называется «Подснежник». Выпало здесь «рулить» больше десяти лет. И все время не назывался ни председателем, ни президентом, а только по существу — ведущим.

Вход к нам — свободный. А моя задача — познакомить пришедших с интересным человеком: актером, художником, ученым. Когда-то по ТВ с большим успехом шла передача «Урмас Отт представляет». Интеллигентный ведущий в ходе развернутого интервью с творческой знаменитостью, например, с академиком Лихачевым, как бы вырисовывал портрет необычного человека. При этом его явный прибалтийский акцент придавал всей программе особое очарование. Со временем передача канула в Лету, а ведущий и вовсе потерялся где-то в родной Прибалтике. Вознамерился заменить его, хотя бы на каком-то местном уровне.

<Недавно, бродя по Интернету, прочитал сообщение о смерти известного эстонского телеведущего... Шок!!! Было впечатление, что потерял кого-то очень близкого, почти родного. Ему было всего пятьдесят два. Не довелось ему дожить до времени, когда наши страны снова начнут разговаривать по-человечески. А ведь начнут, правда?..>

Идея клуба творческих встреч была вполне ожидаемая. К тому времени образовался довольно немалый круг интересных знакомств: и контакты от «Лилии», и прочие Подарки Судьбы. А раз так, надо бы этими знакомствами как-то поделиться. Пусть и другие узнают необыкновенного чело-

века, увидят свет его таланта, красоту души и умение побеждать обыденность.

И вот раз в месяц начал приглашать гостей. Все знаменитости, конечно, были местные. Но личности прелюбопытные. Мне пророчили, что долго не проработать: «звезды» закончатся, и будет уже просто некого приглашать. Но ведь совсем необязательно ориентироваться на «звезд» первой величины. Хотя приходили к нам и такие. Например, ныне покойный главный режиссер Академического театра драмы Наум Юрьевич Орлов или экс-руководитель знаменитого «Ариэля» Валерий Иванович Ярушин.

Но, замечу между строк, что пригласить «звезду» — дело весьма непростое и хлопотное. Причем, далеко не всегда из-за амбиций знаменитостей, а в силу плотного и скоростного графика их жизни. Да и зачем ограничиваться только «супер»-гостями? Убедился, что даже и совсем не «раскрученный» талант не менее интересен, чем «звезда». Профессия человека может быть любой, главное — приглашенный должен быть хорошим рассказчиком и увлечен своим делом.

Всякий уважающий себя клуб — это, прежде всего, традиции. Пришлось подумать и об этом. На каждой встрече у нас обязательно звучит музыка. Поэтому, если деятельность человека с ней не связана, приглашается еще один гость, музыкант. В завершение встречи обязательно устраивается чаепитие. Хотя за эту традицию нас и упрекают («Люди только из-за лакомства к вам ходят»), она остается незыблемой. Еще наш хлебосольный председатель О.Л. всегда устраивал угощения после литературных вечеров. И в «Подснежнике» эта традиция пришлась очень кстати. Неважно, что на столах. Важно, что приглашенный гость, встреча с которым вроде бы только что закончилась, сидит здесь же. И любой из публики может свободно пообщаться с ним уже, так сказать, в неформальной обстановке. Почему бы не предоставить посе-

тителям клуба такую редкую возможность? За эту часть мероприятия отвечает Елена Борисовна, и сегодня она, как всегда, безупречна. Печеньки-вафельки-конфетки уже разложены по тарелочкам, остается ждать гостей и зрителей...

Так, кто у нас сегодня?

Мария Петровна Мочалова. Удивительно интересная, оригинальная личность. И профессия редкая, архитектор. Об этой женщине рассказали мне мои друзья, студенты славного Челябинского политехнического (ЧПИ), в «новые времена» спешно переделанного в Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ). Она и сейчас там преподает. Случилось так, что не один, а несколько из них были ее студентами. И каждый мог бесконечно рассказывать о ее строгости, принципиальности и неординарности этой женщины. О ее потрясающем чувстве юмора и умении в любой ситуации ответить неожиданно и остро. Телефончик (домашний) мне, конечно же, дали... Поверьте, это не так-то просто: звонить незнакомому человеку и приглашать на творческую встречу в библиотеку, в какой-то особенный клуб для инвалидов. Но ничего, согласилась, все координаты записала и в назначенный час появилась в нашем читальном зале.

С первых же минут встречи удивила независимость ее суждений. После того как всем были показаны фотографии старого Челябинска, куда группу молодых архитекторов распределили после окончания института, выяснилось, что ей далеко не всегда по нраву то, что выстроено на наших улицах (многим из нас, признаться, тоже). Выяснилось, что архитектору надобно быть достаточно консервативным. А как же иначе? Твои произведения будут определять «лицо» города не один десяток лет! Это ли не ответственность перед людьми, перед потомками, перед историей, наконец? Сейчас Челябинск застраивается без единого стиля, а до конца 60-х он существовал. И Мария Петровна принимала в проектировании нашего го-

рода самое непосредственное участие. В центре Челябинска еще сохранились малые островки той архитектуры середины прошлого века, основательные здания песочного цвета. И она живет — подлинное счастье архитектора — в одном из таких домов, с башенкой, рядом с магазином «Мир еды» («Мироед» — коротко отрезает Мария Петровна). «А вот кинотеатр имени Пушкина перекрасили в синий цвет. Вам не нравится?» — спрашиваю гостью. «А зачем нужно было перекрашивать? Он и так был неплох», — следует ответ... И уж по полной программе она раскритиковала уныло-однообразную застройку нашего огромного «спального» района, Северо-Запада. «Я не против современных форм, я против единообразия и каких-то навязанных стандартов». Да и вычурные изыски новейшей русской архитектуры тоже отнюдь не вызывают ее восторгов. «Безвкусицы много» — как бы подводит черту Мария Петровна.

Хочется расспросить еще о многом, но мы беседуем уже больше часа. Законы восприятия неумолимы, и, чтобы «переклЮчить» аудиторию, пора дать слово музыке. И сегодня у нас в гостях замечательные исполнители авторской песни, дуэт «Тоника». Прекрасная половина этого дуэта — Нелли Стрижова. Кстати, благодаря именно этому необыкновенному человеку когда-то давно рискнул появиться на сцене. Именно она убедила меня в том, что мой физический недостаток не мешает самому читать со сцены свои стихи и, может быть, вести какие-то мероприятия. Подумалось: а почему бы и нет? Сшили мне строгий темный костюм, надел белую рубашку и галстук-бабочку. Дебютировал ведущим программы «Свободный полет», которую мы показали два раза на малой сцене кукольного театра. Они пели песни, а мне нужно было стать своеобразным связующим звеном между музыкантами и зрителями. Общаться и с артистами, и с залом. Помню, что страх у меня тогда случился совсем не

кукольный. Первое представление начисто выбило из памяти. Во время второго я уже пытался как-то осознанно шутить, вообще как-то ориентировался в происходящем. Нелли до сих пор убеждает меня, что оба представления прошли успешно. Насчет собственной адекватности сильно сомневаюсь... Впрочем, как бы там ни было, докатился вот до «Подснежника». Ну, а «Тоника» и сегодня, как всегда, великолепна. Многие песни, которые они исполняют, широко известны. Но звучат они так задумчиво, тихо, сокровенно, что благодарные слезы появляются у многих зрителей.

8 марта

Международный женский день. Мужчины, считающие этот день праздником, излучают столько энергии, проявляют такую изобретательность, что впору считать героями дня именно их, а не женщин. Мужчины, не считающие этот день праздником, тем не менее, все равно в выигрыше, садясь за особую трапезу, которую им приготовили — кто? Правильно, женщины. Так что есть немало оснований называть этот праздник Международный мужской день.

С утра, конечно, надо кое-кого поздравить. Кого — по телефону, кого — SMS-кой, иногда случается, что и лично. Но поздравляю немногих. Очень уж сложно с ними, с женщинами. Им я бы мог бы посвятить отдельный дневник. И назвать его «Дневник посла». И там послали, и тут послали. И здесь вот-вот пошлют... Ладно, как говорится, проехали. В этот день главное — поздравить самую главную, самую дорогую мне женщину, маму.

Донельзя странно и страшно сознавать, что тем, с кем живешь постоянно, бок о бок, почему-то говоришь добрые слова и признаешься в любви реже, чем остальным. Это горькая правда, какой бы дикой она не казалась. А выражение «бок о бок» — не такая уж заумная метафора: слышны в ней и неудоб-

ство, и раздражение, и всяческие царапины, что небрежно, походя наносят друг другу родственники. Этот дневник — может быть, всего лишь еще одна возможность низко поклониться моим родителям (так и хочется сказать по-старинному, батюшке и матушке). Рассказать о доброте, мудрости и терпении тех, кто подарил мне мир, кто вывел меня на широкую дорогу жизни.

Родилась моя мама в Челябинской области, в деревеньке с загадочным и красивым названием Заманиха. Сейчас, правда, этой деревни уже нет. Оказалась она в зоне радиоактивного «следа» после аварии на химкомбинате «Маяк». Жителей тогда переселили в другие места, а Заманиха навсегда исчезла с карты. Впрочем, мамы это переселение не коснулось. Их семья еще до войны переехала в Челябинск, на строительство тракторного завода.

После окончания неполной средней школы, то есть семи классов (так было в те годы), она поступила в техникум. Но окончить ей удалось только первый курс, вмешалась война. Осенью 41-го студентов отправили на картошку, а потом техникум расформировали. Маме тогда было всего шестнадцать. Однако, удалось устроиться на работу в милицию, в паспортный стол. А уже потом, позже, стала она работать в другом месте. Проработала она на нем всю жизнь. Очень это была редкая и необычная работа: раздавать путевки к Счастью.

Что же это за работа такая, спросите Вы?

А вот нипочем не угадаете! Есть такое государственное учреждение, которое называется четырьмя звонкими буквами: ЗАГС. Запись актов гражданского состояния. Что это означает? Это означает постоянное оформление каких-то дел, выдачу всяческих справок, обращение в архивы и тому подобное. Каждый вторник — регистрация рождения, каждый четверг — регистрация смерти (было когда-то и такое). А каждую субботу — регистрация брака. Представляете? Каждую субботу — до двадцати, а иногда и больше свадеб!

Так уж получилось, что мама осталась на фотографиях в сотнях и сотнях семейных альбомов. На фотографиях, где запечатлен самый яркий, самый главный момент, рождение новой семьи. Вот еще и еще фото, где мама в нарядном платье с «государственной» лентой через плечо выдает свидетельство о браке, чем не путевка в новую счастливую жизнь? И, конечно же, летящие вверх пробки от шампанского, сверкающие бокалы, ослепительные улыбки бесчисленных поздравлений.

До сих пор на улице незнакомые люди обращаются вдруг к маме: «А вы нас регистрировали!» Такая вот была у нее работа, похожая на нескончаемый праздник.

Матушка моя — человек поистине особенный. Настоящий Человек, тем не менее, несущий это имя скромно и как-то совсем даже незаметно. Хотя та жизнь уже стала прошлым, но и в нынешние времена всегда можно найти место ну, если не для праздника, то, по крайней мере, для чего-нибудь приятного. Плохо, что сейчас жизнь очень многих наших женщин напоминает какой-то сюрреалистически-юмористический рассказ. Примерно вот такой:

«Невозможно даже представить себе, какой адов груз хлопот и обязанностей лежит на плечах наших женщин.

Три вечноголодных мужика в доме!!!

У каждого — свои вкусы и потребности. И капризы свои тоже — у каждого. А иногда они еще и болеют. По очереди, друг за дружкой. Или, не дай Бог, все разом. Рынок, магазин, аптека — как назвать эту бесконечную круговерть? «Чертово колесо» или «чертова карусель»?

А уборка?

А стирка?

А гладить целый ворох белья потом кому? Конечно, ей и только ей. Все знать, все помнить, за всем уследить.

Так что заболеть самой — об этом даже и не мечтай. Тогда им, вечноголодным, вообще крышка. А отдохнуть?

Пожа-алуйста!.. Можно! Можно хоть всю очередную серию у телевизора проспять».

8 апреля

Сегодня — Светлая Пасха Христова. На телеэкране можно, не выходя из дома, увидеть и праздничные службы, и прочие церковные таинства. Так и говорят: для тех, кто по разным причинам не может присутствовать в храме. Значит, как раз для меня. Потому что в храмы попадаю очень редко. Привык молиться дома. Хотя, если разобраться, безбожник я тот еще. Стыдно сказать, но до сих пор не знаю ни одной молитвы от начала до конца...

Но многие верующие люди — и священнослужители в том числе! — говорили мне, что слова молитв — это важное, но не главное. Главное — верить сердцем. Искренне верую, что это истинно. Наверное, это у меня от предков по маминой линии, которые, говорят, в церковь не ходили. «Бог не в церкви, а в душе должен быть». Эти их слова часто передавала мне «бабонька». Разве не правда?

Поэтому мои домашние молитвы — это скорее разговоры с Господом. Тихие, неспешные. И, главное, такие, чтоб слова исходили из самого сердца. Трудно сказать, что испытываю в такие минуты. Благодать, умиротворение — слова какие-то очень уж книжные. Но становится как-то легче, спокойнее. И на сердце чище.

И чаще всего из глубины души иступленно вырываются у меня примерно одни и те же слова:

«Господи, всдержавший и милосердный! Я знаю, что где-то Ты есть и значит, слышишь меня. Никогда и ни о чем не смел Тебя просить. Но сейчас никто другой не сможет дать помощь и утешение. Благослови моих близких и дай моим родителям еще много-много здоровых лет!»

21 апреля

Да, надо уже что-то конкретно решать со спектаклем. Так можно репетировать до бесконечности. А надо просто назначить дату премьеры, и все как-то само собой начнет под нее выстраиваться. Репетиции, изготовление декораций, подбор костюмов. И еще много чего.

Этот спектакль было бы невозможно поднять без помощи Нового Художественного Театра. В принципе, у нас в городе есть и другие театры с неплохой производственной базой. Можно было обратиться и туда. Но возможность эта только теоретическая. Рассказывай им о своей благотворительной программе, о покинутых детках сколько угодно, всегда легко можно тебе отказать. Потому что иначе надо **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хотеть помочь. А кому нужны лишние заморочки? А в НХТ работает Лилия Николаевна Корнилова, неугомонный труженик и заступник. Значит, наша дорога — туда.

Художник Андрей Бахирев быстренько нарисовал пространство нашего спектакля. Рабочие изготовили две стойки, между которыми должны были протянуться две веревки: для задника и для занавеса. Изготовили и сам задник, два бутафорских пенечка (все происходит в лесу), несколько больших грибов, траву, подобрали круглый, подходящий по цвету ковер. Декорация получилась легкой, довольно нарядной и, главное, мобильной. Играть можно хоть в чистом поле.

Наняли «Газель», отвезли все в интернат. Порепетировали в декорациях. «Детки» восприняли все это довольно прохладно. «Это их не очень интересует, — объясняют воспитатели. — Для них гораздо важнее, во что они будут одеты». Ладно, костюмы нам тоже обещали подобрать, из старых театральных запасов. Времени прошло довольно много, но, наконец, сделано и это. Нанимаем «Газель» и везем объемистый мешок в интернат. И вот тут в их глазенках действительно появляется интерес. В тот вечер мы были там в поче-

те, и даже нерадивые, те, кто «пошел в отказ» от участия в спектакле, сильно пожалели о своем решении. Пусть ненадолго, но все-таки...

Все надо было решать одновременно. Декорации, костюмы — хорошо, но проблем «детки» добавляли чуть ли не в каждый наш приезд. И когда «пошел в отказ» (так, по-тюремному, они и выражались) старший из братьев Ватутиных, Ваня, спектакль оказался под угрозой срыва. Это только кажется, что месяц — это много. В наших условиях месяц — это всего четыре воскресения. Всего четыре репетиции. Как за четыре репетиции найти и ввести в спектакль Наф-нафа, одного из главных персонажей, которого должен был играть Ваня?

Собственно, Наф-нафа могла бы сыграть Михайлова. Память цепкая (диагноз у нее не такой, как у всех), к тому же старается очень. А ведь поначалу воспитатели вообще не советовали нам с ней связываться. «Она может вам спектакль сорвать. Прямо со сцены плюнет в зал, пошлет зрителей куда подальше и уйдет». Брр!.. Кошмар, ужас какой-то... Но задействовать Михайлова очень хотелось. Так и пёрла из нее неординарная (мягко говоря!) личность. Поэтому именно для нее была написана маленькая роль Совушки, довольно слабо связанная с главным действием. Так и решили: если Михайлова в настроении — играем с совой, если нет — можно обойтись и так, без пернатых.

Но дальше началось необычное. Татьяна аккуратно выучила маленькую роль Совушки и на каждой репетиции старалась необычайно. Не удивительно поэтому, что когда «пошел в отказ» Ватутин-младший, игравший Нуф-нуфа, на замену поставили именно Татьяну. Она аккуратно выучила роль самого ленивого поросенка и снова на репетициях старалась больше всех.

И вот теперь у нее есть вполне реальная возможность получить одну из главных ролей. Да, Татьяна это смогла

бы... Теперь мы достаточно узнали ее и каких-то «штучек» во время спектакля уже не опасались. Но кто тогда вместо нее будет играть Нуф-нуфа?

Выход подсказала воспитательница: «Тут в соседней группе мальчишка есть. Очень способный. Надо вас познакомить». И в тот же день, провожая нас домой окликнула кого-то со спортплощадки: «Денис! Подойди-ка сюда!..» Подошел сразу. Маленького роста, светлый чубчик, весь такой спокойный, какой-то солидный даже. Спрашиваю, а голос дрожит от волнения: «Придешь к нам в следующее воскресенье на репетицию?» — «Приду».

Через неделю привозим с собой листочек с текстом одной из сцен. Парнишка приходит точно в условленное время. А может, и правда получится замена? Сначала играют сцену «старым» составом. «Можешь сыграть вместо Михайловой? Прямо с листа сможешь?» — «Конечно, смогу».

И как только своим «фирменным», хриплым голоском он сказал самую первую реплику («Ни грибо-очка, ни цветочка... Ни ягодки!»), все облегченно вздохнули: «Есть Нуф-нуф!..»

Хороший сегодня день. И Настенька сбилась всего лишь один раз...

29 апреля

Итак, премьера назначена на 1 июня. Международный день защиты детей. Защиты от кого? Да от взрослых же! А кто защищать будет? Да они же и будут, взрослые. Непонятно только, сами от себя, что ли?..

Наших «подшефных» государство вроде бы защитило от неразумных, пьющих родителей. Но спросим по-честному — или «по-честноку», как говорят в интернате, — сделались ли они от этого счастливее? Кто теперь защитит их от чрезмерно «крутых» сверстников, от воровства персонала, от

равнодушия и бестактности воспитателей. Хотя, от «бестактности» — это еще мягко сказано. Пусть всего один раз, но как-то нам довелось стать невольными свидетелями «разборки» с воспитанниками. Зрелище пренеприятное, даже гадкое. А вообще-то «посторонним» вряд ли удастся проведать, какие наказания иногда настигают «деток» после отбоя ко сну... И вот от этого защиту придумать невозможно.

Можно провести бесчисленное число акций в защиту сирот. Можно придумать еще какой-то день. Но в сущности все очень просто. Один маленький мальчик как-то сказал: «Мам, я тебя люблю». Наверное, из такой вот фразы происходит все вокруг, вырастает весь мир. Просто не может он держаться ни на чем другом, кроме любви. Она — как сок внутри дерева, без нее невозможна жизнь. А если попадает дерево не в ухоженный сад, а на скудную или отравленную землю, вырастает дичок. С низким кривым стволом и мелкими, горько-кислыми плодами. Так и дети наши. Кого-то окружают любовью и лаской мама и папа, о ком-то заботится государство. Свою любовь и заботу оно осуществляет в специальных учреждениях, которые могут называться по-разному — «детский дом», «интернат», «приют». Суть одна: казенный дом для недолюбленных детей. Для тех, кому не суждено расти в саду родительской любви и ласки, для кого такой сад не смогли или не захотели вырастить...

Мало, очень мало удалось нам для них сделать. Мы пытались хоть как-то показать нашим воспитанникам, что мир необъятен, и в нем есть и солнышко, и хорошие песни, и доброта, в которую очень трудно поверить. Особенно там, в интернате. Многие мои друзья — действительно ХОРОШИЕ люди — от чистого сердца помогли мне добраться до интерната. Но в группу зайти так и не решились. Очень трудно смотреть в глаза этих детей. Кстати, именно глазами, очень взрослыми, словно пробирающими тебя насквозь, они и от-

личаются от обычных детей. А вовсе не своими диагнозами, самый частый из которых — ЗПР, задержка психического развития.

30 апреля

А с чего все это началось? С большого праздника для воспитанников детских домов со всей области. В начале в исполнении актрисы Лилии Николаевны Корниловой должна была звучать песенка «Как стать волшебником». А потом по замыслу режиссера к детям должны были вывезти автора слов, то есть меня. Дескать, смотрите дети, какие поэты бывают. Праздник прошел неплохо, дети на поэта посмотрели. Читал еще что-то, даже какие-то аплодисменты сорвал. Ну а потом мероприятие пошло своим чередом: спортивные соревнования, концерт интернатской самодеятельности и неограниченная раздача булочек и мороженого.

Вот тогда-то и подошли ко мне две девочки. Как-то удивительно по-доброму они со мной поговорили. Нечасто такое душевное тепло приходится мне встречать. А еще тут же стали угощать меня теми же булочками и мороженым. До конца праздника они подходили еще несколько раз. А потом сказали: «Все. Нам пора уезжать». И вдруг понял: вот посадят сейчас эти создания в автобус, и больше НИКОГДА мне их не увидеть. Дал одной свою визитку. Спросил: «Звонить можешь?» Отвечает: «Без проблем».

Уже потом, позже, узнал, что проблемы могли быть, и немалые. Впоследствии мне пришлось еще много чего узнать. Если бы тогда, в самом начале этого нелегкого и, чего греха таить, во многом авантюрного проекта, хоть немного бы представлялось, с какими сложностями нам еще предстоит столкнуться, возможно, ни на что и не решился бы... Но детей увезли, а мы попали на банкет, устроенный для организаторов и артистов, участвовавших в празднике. И вот

там были уже совсем не булочки, а прямо-таки ресторанное великолепие... И, пораженный контрастом, я понял, что обязательно должен что-то придумать, хоть как-то помочь этим детям. Задача тогда казалась в общем-то вполне по силам. Поймут меня и те, кто «наверху», помогут, не придется же делать все в одиночку. Людям, нормальным людям, просто должно быть тоже жалко этих детей.

Кстати, о слове «жалко». Вопреки мнению пролетарского классика, убежден, что настоящей, непоказной жалостью унижить нельзя, кого бы то ни было. Обидеть и унижить можно только лицемерием, притворством. Почти всегда они под жалость и замаскированы. И оказалось, что любого человека, а особенно того, кто уже успел стать неким «должностным лицом», не так сложно проверить на наличие души весьма простым вопросом: «Но вам ведь их жалко?» Если в ответ глаза не отводят, все в порядке. Но ведь отводят! И довольно-таки часто... Вот и наглядный пример, когда есть проблемы отнюдь не с психикой, а с обыкновенной совестью.

Никогда не делал поправок на то, что у «наших» деток с психикой не все в порядке. Сами врачи с каким-то необъяснимым злорадством частенько повторяют: мол, здоровых людей нет, есть только необследованные. Поэтому не слишком-то они от всех и отличаются. Нормальные ребенки, весьма сообразительные, кстати. Эмоций в них только не хватает. Помню, как приехали мы туда с детским цирковым коллективом. Выступление — праздник. Яркие костюмы, сила, ловкость, фейерверк улыбок и фантазии. В обычной аудитории, уверен, в зале была бы буря восторга. А тут... Сидят, смотрят. Когда положено, аплодируют. Причем, ровно столько, сколько положено в подобных случаях. Они вообще очень хорошо знают что, кому и сколько положено, так уж их воспитывают. А так вполне нормальные дети...

Нормальные дички. Малорослые (курят здесь поголовно чуть ли не с первого класса), цепкие, упрямые и недоверчивые. И в то же время где-то в глубине их необычно взрослых глаз живет тоска по нормальной человеческой любви. Да что там, по обыкновенному пониманию. Пока они еще не слишком выросли, есть, есть надежда «вытащить» их к другой, нормальной жизни. По крайней мере, без криминала. А к 13–14 годам такой надежды уже практически нет...

Но ведь надо же как-то вытаскивать! Ясное дело, не поучениями. Слов, вроде бы правильных, там даже в избытке. Делом надо каким-нибудь интересным занимать. Из интересных дел, доступных мне по обстоятельствам, выбрал театр. Тут тебе и людские привычки, и внимание к языку, и тренировка речи и пластики, и даже шитье с рукоделием. Тем более, что опыт создания детского театра в собственном дворе уже был. Это давняя история, о которой, если получится, речь будет впереди. А пока снова и снова надо сказать огромное спасибо моему верному другу Борису. Без его самоотверженной помощи ничего бы не получилось.

Каких-то грандов, премий, вообще финансирования написанной по всем правилам благотворительной программы мы так и не дождались. Несколько раз нам помогла областная администрация и депутаты. Но, к сожалению, только в разовом порядке. Даже не верилось, что мы сможем «вытянуть» эту затею. Но, как бы то ни было, скоро премьера!

7 мая

По телевизору снова то и дело гремят взрывы, грохочут танки, и солдаты опять идут в смертельную атаку с криком «За Родину! За Сталина!» И опять какой-то комок подкатывает к горлу. Особенно, если фильм черно-белый. Всегда хочется узнать настоящую, неприкрашенную правду о войне.

Как жили, о чем мечтали они, люди, отвоевавшие для нас «прекрасное далеко»?

Если по ТВ часто показывают кино о войне, значит скоро День Победы. В нашей семье это особенный день. Праздник, прежде всего отца. И значит, его опять будут приглашать в школы. «Скажите, а сколько фашистов вы убили?» «Знаешь, мальчик, у меня за время боя пулемет перегревался. Кто же их сосчитает, убитых-то?» Значит, снова появятся дома букеты цветов и коробки конфет. И снова будет теперь уже традиционное поздравление от президента, изготовленная по спецзаказу открытка в конверте с кремлевским штампом. Конечно, главнокомандующий должен поздравлять своих солдат. И все мы, включая президента, должны нашим ветеранам слишком много. Даже не знаю, возможно ли хоть как-то достойно оплатить этот долг.

Слишком часто приходилось моей Родине защищаться от врагов. А та, большая война отозвалась в каждой судьбе...

Хранятся в нашем доме два фотоальбома. В зеленом, распухшем от снимков, уже можно увидеть мои детские и подростковые годы. Но гораздо интереснее пролистать другой альбом, с красным потертым переплетом и черными страницами (видимо, стилизация под обертку от фотобумаги). Там еще нет меня, но там — мои родители в молодости. Там — отец в новенькой форме офицера Советской Армии. Там — мама в разных и, говорят, в очень модных в то время нарядах. Там — они рядом, и мама так доверчиво и так несовременно прислонила голову к его плечу.

Пожалуй, нет в тех фотографиях чего-то необычного. Просто история семьи, каких миллионы. Тех, что составили историю огромной страны, которая называлась по-разному, но которая всегда будет оставаться Родиной. Попробуйте записать биографию кого-нибудь из ваших родственников — и

записки эти непременно перекликнутся со многими главами учебника новейшей истории. Так же как и у меня...

Батюшка мой, Василий Захарович, родом из Ростовской области, село Крученая Балка Сальского района. Он часто вспоминает, какой привольной и сытной была жизнь до начала «борьбы с кулачеством» и формирования колхозов. Но потом пришел голодомор — явление отнюдь не только украинское — и его семья покинула обжитые места. Осели на Украине, в городке Макеевка Донецкой области. На шахтах легче было найти работу и хоть как-то прокормиться. Все родственники отца живут там до сих пор. Оттуда же в 41-ом году ушел он воевать.

Попал в танковые войска. «Крещение» смертельным огнем принял в Калининской области, на болотистой местности, где берет начало великая Волга. Там же его контузило, и целую ночь тогда пролежал он в ледяной сырости. Вот так начались его проблемы со слухом, которые очень остро ощущаются и сейчас.

Потом была учеба в Челябинском танковом училище. А дальше война пошла своим чередом...

Вообще-то он не очень любит вспоминать о том времени, слишком непросто дается это человеку, постоянно ходившему в обнимку со смертью, но уцелевшему. Чаше других вспоминает он, как остался жив только благодаря счастливому случаю. Во время наступления полевая кухня часто отстает от переднего края. Так случилось и в тот осенний день. Друзья по экипажу попросили его сходить на поле, возле которого остановился их танк и собрать кочерыжки, что должны были остаться от убранной уже капусты. Взял котелок, пошел. Сколько успел выкопать, не помнит. И вдруг услышал характерный резкий свист падающей мины... Он успел распрямиться и увидел, как мина воткнулась в землю совсем рядом. А если бы не успел, она угодила бы точно в его голо-

ву. Бесконечно долго тянулись секунды, когда он ждал взрыва и неминуемой гибели. Но мина не взорвалась. Не помня себя, вернулся он к танку, было уже не до кочерыжек...

Вспоминает он и о двух старых поляках. Как пели они песни, которые знали еще с времен службы в русской царской армии.

Вспоминает переход польско-германской границы: огромный плакат «Вот она, эта проклятая Германия!» Вспоминает, как он, деревенский паренек был поражен богатым убранством немецких домов: «И зачем же им нужно было воевать?» А звон часов, что каждый час раздавался из разных комнат, казался ему какой-то сказочной музыкой.

Воевал он до самого конца и лишь 25 километров не дошел до Берлина, Германия капитулировала. А потом его призывали и на войну в Корею. Повоевать там ему, правда, не довелось, поэтому о тех месяцах он вспоминает совсем немного: «Дохнет ветер из пустыни, как огнем. Только и остается ладонями лицо закрывать...»

Всю войну судьба вновь и вновь возвращала его в Челябинск. Именно сюда приезжали они за новыми танками взамен разбитых. Недаром же носил наш город гордое и грозное имя Танкоград, похожее на разящий стальной кулак. И здесь, в том самом городском саду имени Пушкина, где сейчас так люблю гулять я, повстречался он на танцах под духовой оркестр с моей будущей мамой. «Она мне первая подмигнула» — частенько шутит отец. Уж не знаю, как оно тогда получилось, но теперь это уже не просто взгляд на бравого лейтенанта — таким хорошо запомнил я отца на старых фотографиях — это уже Судьба. А поженились они в 46-ом...

И началось «крещение» новой жизнью — мирной, семейной, наполненной новыми невзгодами и радостями. Отец больше тридцати лет проработал на радиозаводе, объединении «Полет», сейчас это производство, кажется, называется

уже как-то иначе. Но до сих пор все бывшие коллеги вспоминают его как равнодушного к делу, принципиального и очень ответственного человека.

Да, он все такой же неугомонный. Рассуждает о политике, старается вникать во все, даже туда, где все прекрасно обходится и без его вмешательства.

Слышишь меня, Боже? Иногда ворчу на него, грешен... Но пускай он слушает «Эхо Москвы» и обсуждает манеры современных девушек еще многие и многие годы...

15 мая

Кто такие знаменитости?

Слава, популярность — это ведь не просто так. Да, их можно купить, но говорить в таком случае просто не о чем. Вот говорят, «шоу-бизнес». Да полно вам! Либо шоу, либо бизнес — это же очевидно. А если бизнес делается на шоу, получается крепко, незатейливо и, как бы это сказать, *ухватисто*. Напоминает американские мюзиклы в основной своей массе. Зачастую это может быть весьма талантливо, но в основе — зрелище. К зрелищности пристегивается все остальное. Оно же должно работать и зарабатывать! Значит, все-таки бизнесу сродни.

А в творчестве главное — личность художника. Именно она способна подобно магическому магниту притянуть редкости и сокровища во время его звездных странствий. Или не притянуть, и тогда все драгоценности проскользнут мимо пальцев. Человек любой творческой профессии, прежде всего, должен быть Артистом. И тогда происходит чудо. Рождение произведения — это всегда чудо. Обыкновенное и совершенно необъяснимое. А настоящий артист — обязательно хотя бы немножко волшебник.

Люблю бывать на самых разных выступлениях. Всегда невероятно интересно наблюдать, как работают актеры, танцо-

ры, певцы. Кто из них «отрабатывает», а кто творит. И получается неповторимый, уникальный Подарок Судьбы. Всегда невероятно радуюсь, если случается встретить настоящие таланты.

Они появляются в волшебном пространстве сцены или циркового манежа, люди, сумевшие покорить своим талантом миллионы людей. Появляются всегда как-то неожиданно, чтобы заполнить собой клеточки памяти, пространство сердца. Иногда надолго, очень надолго.

Каждый раз хочется увидеть таких людей вблизи, поговорить. А вдруг да и приоткроется некий секрет успеха, тайна их ослепительного взлета. Только далеко не всегда удается с ними пообщаться...

Для этого нужен хорошо знакомый зал, лучше небольших размеров. Нужны надежные способы, «пружинки», открывающие двери за кулисы. И еще масса упорства и всяческих мелких хитростей...

Наверное, всю жизнь буду помнить затаенную мудрость в глазах Елены Камбуровой, известной исполнительницей романсов и авторских песен. Тепло большой и доброй ладони лидера группы «Чайф» Владимира Шахрина. Невыразимое обаяние и величавость всемирно известного гитариста Фрэнсиса Гойи.

А вот с Примадонной, например, поговорить не довелось. Слишком большая шумиха была там вчера, вокруг ее концерта в нашем Дворце спорта. Толпы поклонников, иногда с явными признаками нездоровой психики. Море цветов, журналы, просверки фотовспышек. И каждый хочет увидеть ее вблизи. В такой бурлящей толпе инвалиду так просто потеряться. Но случилось так, что моя коляска оказалась перед самой сценой, как раз напротив центрального микрофона. Концерт еще не начался, а в шуме пестрой толпы за моей спиной, казалось, в самом воздухе уже носятся какие-то ис-

кры, предвестники События. Наконец, публика устроилась на своих и не своих местах, и сцену ярко осветили. Началось!

Девушка в костюме экзотической птицы исполняет акробатический этюд на красивом металлическом стуле. Потом выходят музыканты, и появляется Она. Маленького роста, с какой-то невыразительной светленькой «химией», в джинсах. Поначалу, даже как-то не поверилось, что это действительно та самая «женщина, которая поет». Но как только она взяла микрофон, сомнения развеялись. Этот голос не спутаешь, ни с каким другим!

И сразу же открылись все достоинства моего местоположения. Дело в том, что Примадонна — не просто певица, она гениальная драматическая актриса. И свои песни прежде всего «играет». Да как играет! Сидел очень близко и видел все. И как она закурила сигарету в пронзительной исповеди одинокой женщины (Помните? «Расставанье — маленькая смерть»). И как уперла руки в бока, настоящая грубоватая официантка, вспоминающая о курортном романе с «настоящим полковником». Как прыгал в ее ладонях зеркальный шар, такая маленькая хрупкая Земля из песни «Расскажите, птицы»...

Голос не рвала. Большой гастрольный тур по стране, кто бы осмелился упрекнуть в излишней осторожности? Только раз за весь концерт спела в полную силу голоса, это была народная песня «Реченька», об уплывающей вдаль пустой колыбельке, умер ребенок. Но сколько же неподдельной боли и слез было в том удивительно сильном голосе!

Цветы не брала. Очень уж плотно была выстроена программа, почти без пауз. Уложились в час сорок. После каждой песни цветоносных поклонников милиция пропускала через ограждение по пять человек, слева и справа от сцены. Немного разочарованные поклонники складывали букеты прямо на край эстрады. К концу набрались две исполинские охапки.

Концерт окончен, пожалуйста на выход. Народ потихоньку начал расходиться, букеты стали разбирать какие-то девушки. И была еще белая зависть к двум молодым бизнесменам, которые подарили певице корзину любимых ей желтых роз, огромную, раза в два больше, чем корзина красных и белых от имени вице-губернатора. С бизнесменами-то она немножко поговорила...

Какая-то странная горечь оседала в душе. Цветы клали, точно к памятнику. Но певица-то, слава Богу, здравствует. Неужели ее необыкновенные странствия по звездным тропинкам теперь превратились в это монументальное поклонение?

16 мая

Все еще «перевариваю» увиденное *шоу*. Примадонна, конечно же, неподражаема, неповторима, уникальна во всех смыслах этого слова. Вот только не дает покоя, все время царапает по душе этот холодок между залом и сценой, который вполне определенно чувствовали все обычные зрители, не фанаты. Те-то были довольны. А вот мне, например, совершенно четко увиделось: душу-то мне не открыли...

Кто я такой, и почему обязательно мне нужно душу открывать? Да самый обычный зритель, слушатель, читатель! Ищущий на звездных тропках свои редкости и всегда готовый с радостью поделиться ими. А если не дарить и не делиться, зачем тогда странствовать? Зачем выходить на сцену, если не говорить с людьми открытой душой?.. Ведь был когда-то случай, о котором все советские тогда еще газеты разрезвонили. Мол, где-то в провинции на концерте певица забыла, что микрофон не выключен и спросила у своих музыкантов: «Что бы еще этим идиотам спеть?» Было. Устала? Кто-то настроение испортил? Да, все может быть. Осуждать не берусь.

Но поневоле вспоминается другой концерт, здесь же, в «Юности». Концерт, на который удалось попасть когда-то зимой.

Когда я первый раз увидел рекламу, то, признаться, не поверил своим глазам. В Челябинске выступит итальянская группа «Рикки э повери» («Богатые и бедные»). Не может быть! Это что же, те самые? Победители фестиваля в Сан-Ремо? Мы ведь совсем не избалованы гастролями звезд. А это даже не простые, а суперзвезды, мировые знаменитости! Такими только в телевизоре и любоваться...

Но в назначенный день и час по хрустящему снежку топчем во дворец. Людей на удивление немного. Как все-таки изменчива зрительская любовь! Появись у нас эти итальянцы на пике своей славы, в середине 80-х, толпы поклонников наверняка пришлось бы сдерживать усиленными нарядами милиции. А тут все тихо, скромненько, как-то обыденно даже. Зрители гуляют по фойе, ждут начала... Однако, уже семь часов, а концерт все не начинается. Четверть восьмого. Неужели не приехали?

Но из-за массивных дверей слышны какие-то обрывки мелодий. Одолеваемые любопытством, подходим ближе к дверям. Никто не замечает? И, хихикая от какого-то невзрослого озорства, мы тихонько просачиваемся в зал... Они здесь!!! Закоченевшие итальянцы стоят у микрофонов в шубах! А в зале холод лютый. И потому что зима уральская за стенами, и ледяная площадка для хоккея — тут же, рядом со сценой. Пытаются настроить микрофоны. Сразу стало ясно: никто не собирается потчевать российских провинциалов фонограммами. Только живой звук, как и принято в цивилизованной Европе. Но настройка не ладится, слишком уж неважная акустика в нашем дворце спорта. Вот почему и задерживается начало.

Но они вновь и вновь, как истинные «профи», пытаются выставить качественный звук. Еще одна попытка. Нет, не

получается. «Basta! (Хватит!)» — кричит солистка, и раздраженные музыканты покидают сцену. И вот теперь в зал начинают пускать зрителей. А я, признаться, приуныл. Народу мало, холод, ненастроенный звук... Неужели не увидеть заграничных звезд во всем блеске?.. Но обещают, что концерт продлится 90 минут, это обычный европейский стандарт. Ладно, посмотрим, что это будут за 90 минут...

Они выскочили на сцену в строгих черных костюмах. Улыбнулись так искренне, так радушно, что в зале сразу потеплело. Ни малейшего намека на то раздражение, которое нам ненароком удалось подсмотреть. Общаются через переводчика с залом, шутят... Зрители «завелись» после третьей песни. Подхлопывают, подтопывают в такт, аплодируют, не жалея ладоней. Крики «Bravo! Belissimo! (Прекрасно!)» Удивительно, сколько, оказывается, наших людей знает итальянский язык! Перевод запаздывает? Солистка зовет из кулисы: «Але! Перешошка!..» В зале — хохот. Это встречают даже лучше, чем «Привет, Вассилий!» — «А почему Вассилий?» — «А мне просто имя это нравится». Полтора часа проходят, как пять минут. И в финале уже почти весь зал вовсю пляшет под мега-хит «Мама Мария». Полный восторг!..

Маленький вопросик. Зачем же так «париться», ребята? Это же чужая, заснеженная страна. Не соблюдай даже вы свои высокие стандарты, эти «дремучие» русские ничегошеньки бы и не заметили. Слова бы никто не сказал. И деньги все равно те же самые... Ах, вы, оказывается, Артисты? Ну, тогда, как говорится, «ой»!

2 июня

Все, вчера в интернате отыграли премьеру!

Но «сюрпризы» нам все же достались и, все, как говорится, «на подбор».

За два дня до премьеры «обрадовали» потрясающей новостью: играть будете в спортзале, потому что в актовом — ремонт. Ремонт — это понятно, еще с Нового года он шел. Меня даже подвозили к двери со стеклом, видел ведра и облупленные стены. Но сейчас ведь уже начало лета. Неужели не закончили? Говорят, нет. Проверь — не проверяй, просись в актовый зал — нарваться на конфликт с руководством. А у нас отношения и так были тогда далеко не безоблачные. Значит, выбора нет — спортзал. И значит, пропадает вся работа с речью. Акустика там — никакая. Их же не будет слышно! Нет, выбора нет — спортзал.

За день до премьеры делаем генеральный прогон на месте. Ребята стараются говорить громче, но гулкое эхо смешивает их голоса в плохо различимую кашу. Но выбора-то у нас нет — спортзал! Не могли же они специально тянуть с ремонтом, чтобы навредить нам. Это уж чересчур. Видимо, дело в привычном российском разгильдяйстве. Кажется, актовый зал интернату не очень-то был и нужен. Ладно, как-нибудь прорвемся...

Утром 1-го июня мальчишки снова тащат в спортзал декорации, оставить их там на ночь мы не решились. Вновь собираем нехитрую обстановку лесной полянки и в последний раз «прогоняем» спектакль. Вроде бы все более-менее в порядке. Тьфу-тьфу-тьфу! Ладно, хоть с утра тут пол помыли, хоть и маленькое, но все же внимание. Как-то чуть-чуть отлегло на душе...

В одиннадцать приходит театральная гример Наташа. Она делает из наших ребят «лесных жителей». Потом они уходят за ширмочку, надевать костюмы. Появляются две девочки из старших классов, им доверено нажимать клавиши магнитофона. Тщательно инструктирую их, чтобы вовремя запустили нужные музыкальные фрагменты. А вот и первых

зрителей привели, всего их будет три младших класса. Рассаживаются на длинных скамьях и ждут начала.

Воспитательница из-за кулис подает знак: мы готовы. Звучат аккорды вступления, потом записанные на пленку звуки леса. Поехали!..

Так, начало прошли, сейчас первая сцена с белочкой. Прошли! Теперь разговоры с Волком. Тщательно ловлю каждое слово и вдруг замираю от ужаса. Настя произносит реплику, до которой еще целая сцена. По смыслу-то она как бы подходит и сейчас, но сбой очевидный. Однако, Волк не теряется и подхватывает. Другие тоже не растерялись. Поэтому зрители, кроме тех, кто был на репетициях, даже и не поняли, что из спектакля выпал немалый фрагмент. И вместо сорока пяти минут мы уложились в тридцать пять. Потом только завуч спросила «нашу» воспитательницу: «А почему как-то быстро отыграли?»...

После спектакля подошла Настенька и, размазывая по лицу слезы с гримом, стала долго и горячо извиняться. Простил, куда уж тут денешься... Словно в тумане смотрел, как накрывают столы, ставят лакомства (преьера должна быть самым главным праздником для наших детей) и ругал себя самыми отчаянными словами. Вот вам урок, Господин Автор! Гуляйте там, по звездным тропинкам, но пишите качественно! Так, чтобы ни одно слово ни убрать, ни переставить было невозможно! А дети... Дети же не виноваты...

24 июня

В парке имени Гагарина татаро-башкирский праздник сабантуй. У меня к этому празднику отношение особое. Воспоминания самого раннего детства: летом родители везут меня в парк, и там мы подолгу наблюдаем за разными мужиками, которые, сидя верхом на бревне, лупят друг друга мешками,

лезут на столб за петухом или идут по наклонному шесту с привязанным к нему бараном. Очень необычный, радостный праздник!

Вот и сегодня моя коляска-«самоходка» дает мне возможность опять вспомнить детство. Парк, правда, выглядит уже по-другому: вымощенные плиткой дорожки, современные аттракционы и продажа баночного пива, в этот день, кстати, весьма умеренная. Пожалуй, только детская железная дорога осталась такой же, как и много лет назад. Но и я уже другой. Немножко посмотрел на забавы батыров и поехал по многочисленным концертным площадкам. Теперь меня очень привлекают песни и танцы этого народа. Хотя и не понимаю ни слова, как замороженный, слушаю вновь и вновь, то протяжные, то плясовые мелодии с узнаваемой, очень красивой гармонией.

Впрочем, дело даже не в песнях. Поражает сама атмосфера праздника. Все очень доброжелательно. Здороваются, приглашают подъехать поближе, пропускают на самые лучшие места. Честное слово, первый раз в жизни пожалел, что не татарин. Тогда был бы совсем свой. И все это веселье, радость — настоящие, не на показ! И почти без спиртного. Даже и не знаю, возможно ли сейчас такое у моих русских соплеменников. Мы же теперь без алкоголя никуда. По крайней мере, без пива...

Между прочим, именно в этом парке довелось попробовать пиво первый раз в жизни. Как сейчас помню тот жаркий день, нашу традиционную поездку «туда-обратно» по детской железной дороге. Еще в вагоне жутко захотелось пить. Но во всем парке других напитков кроме разливного пива в тот день просто не было. Случалось иногда такое в те времена...

Ах, каким вкусным показалось мне тогда это пиво! Никакого более вкусного с тех пор не пробовал. А может быть, причиной тому — острота детского восприятия?

25 июня

Замечу, между прочим, что еще очень многие ностальгируют по тому разливному пиву. И вообще по советским временам. А если бы спросили меня, я бы, как на духу, сказал: «Нет, назад в СССР не хочу».

Сейчас «советское» время старательно рисуют как мрачное, а то и кровавое. Спорить не стану. В конце концов, у каждого своя точка зрения. Но ведь там не только всяческие запреты, тотальный дефицит и разного вида репрессии. Там самые светлые годы. Детство и юность, утро жизни.

Там — удивительно синее небо и ярко-зеленая трава (неужели в нашем дворе когда-то была такая же?). Там — неповторимое ощущение солнечного июньского утра, еще все летние каникулы впереди, это же как целая жизнь! Там — «Штандер», «Переход границы», «К'ондалы» и еще множество теперь уже почти забытых игр. Там — первые дискотеки и самый-самый первый поцелуй.

И все-таки нет, назад в СССР не хочу.

Там — гомон первомайских демонстраций и воскресные детские киносеансы по десять копеек. Там — самое дешевое мороженое: плодово-ягодное по семь копеек (очень даже вкусное) и томатное по десять копеек (жуткая гадость). Там — тугой узел пионерского галстука и уморительные анекдоты про дорогого товарища Генерального Секретаря.

Как-то Леонид Ильич проехал через всю страну до Владивостока на поезде. Это было серьезное мероприятие. В каждом областном центре делал остановки, проводил собрания с местным начальством, интересовался жизнью людей на местах.

Через месяц, уже в Москве, получает телеграмму из Владивостока: «Дорогой товарищ Генеральный Секретарь! Ваши

указания выполнены. Начальник мясокомбината уволен, главный технолог отдан под суд».

Удивленный Брежнев телеграфирует в ответ: «А какие такие указания я давал?»

Приходит ответ: «Дорогой товарищ Генеральный Секретарь! На собрании в нашем городе Вы ведь сказали «сосиськисраны»?

Генсек отвечает: «Товарищи! Вы меня не так поняли. Я сказал не «сосиськисраны», а «социалистические страны».

Нет, назад в СССР я не хочу.

Там еще слушали обыкновенное радио, в том числе и уникальную «Радионяню». Пускай там было всего два телеканала, но ведь на них совсем не было рекламы (!!!) и показывали великолепные программы, передавали хорошую музыку, лучшие мультики и добрые комедии. А мы, дурачки, все каких-нибудь американских боевичков ждали! Теперь вот дождались, лопатой не отмашешься...

И все-таки назад в СССР я не хочу.

Да, тогда еще были разговоры о совести, причем не только в философском, но и просто в бытовом плане, «Слушай, у тебя совесть есть?». Да, в те времена люди намного чаще работали не за деньги, а по велению души. Хотя само слово «душа» еще с тех времен считалось каким-то устаревшим, религиозным. А Бога, как известно, не было. Значит, и разговор как бы не получался.

Вот почему я не хочу назад в СССР.

Это была эпоха негласно узаконенного вранья. Видимо, считалось, что высокие идеалы Справедливости, Равенства и Братства настолько велики и желанны, что Моральный Кодекс Строителя Коммунизма реально существует. Причем, многие догадывались, что особенно на первом этапе построения коммунистического общества разрыв между идеалом и

реальностью даже необходимо как-то подкрашивать, иначе уж очень неприглядная картина получается. Да, сейчас «кто-то кое-где у нас порой». Но вот наступит коммунизм — и тогда уж несомненно все будет ат-лично! А в то, что коммунистическое завтра непременно наступит, советовали верить непоколебимо. Ведь так обещано самой Партией. Как же можно сомневаться в том, что говорит Партия? И вранье стало инструментом повседневной жизни. Вранье это было настолько всеобъемлющим и привычным, само собой разумеющимся, что его почти никто и не замечал. Мы все прекрасно знали, что и где нужно и можно говорить, писать в сочинении или в заметке в стенгазету. Я сам, поступая некогда в институт, писал экзаменационное сочинение по трем эпохальным книжечкам Леонида Ильича Брежнева: «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Это был оптимальный, практически беспроблемный вариант поступления. А уж пресловутый «блат» и преклонение перед начальством, любым начальником, было тогда общепринятой добродетелью.

«Он придет, он будет добрый, ласковый, ветер перемен» — распевали мы когда-то красивую песенку из фильма «Мэри Попинс, до свидания». Доброго, а уж тем более ласкового не получилось. Перемены обрушились на Родину смерчем огромной разрушительной силы. Он сорвал множество крыш, искалечил миллионы жизней, у многих отняв последнее.

История не знает сослагательного наклонения и всегда пишется только набело. Можно ли было избежать такой болезненной перестройки, перестрелки и других «прелестей» эпохи первоначального накопления капитала? Наверное, можно. Где-нибудь в Европе. Сумели же Чехия и Словакия разойтись, что называется, полюбовно. Хотя, тоже не факт. Югославию вот, тоже европейскую страну, кровавые междоусобицы и агрессия извне просто растерзали...

Вранья, конечно, предостаточно и сейчас. Причем его стало больше, оно сделалось наглее и циничнее. Но жизнь — не кинолента, назад не отмотаешь. Теперь, «господа», маски сорваны. Бандита называют бандитом, взяточника — взяточником, и теперь уже никому не спрятаться за какие-то высокие идеи и сказку о светлом будущем всего человечества. Пусть даже сказка эта в общем-то далеко не так уж плоха...

2 июля

Знаете, что такое поминки?

Это такое мероприятие, где в адрес ушедших говорят все те слова, что не смогли или не захотели сказать им при жизни. Не знаю, слышит ли эти слова человек, находящийся в лучшем мире — по этому вопросу обращайтесь к специалистам, — интересно другое. Вдруг выясняется, что ушедшего, оказывается, все любили. И говорят о нем только что-нибудь хорошее, нежное, трогательное. То, что при жизни говорить считается неуместным...

В одной очень известной американской комедии «Тутси» есть такая фраза: «Подумайте о чем-нибудь приятном. Например, о своих похоронах». Как точны эти слова! Порой каждого из нас жизнь так достает, что хочется умереть. Но не всерьез, а так, понарошку. Представляете, какая благодать? Тебя любят ВСЕ, и все говорят о тебе ТОЛЬКО хорошее. О таком лишь мечтать можно...

Все сказанное относится и к поминкам.

Вчера случились у меня очередные (опять!!!) поминки. Исполнился год, как ушла из жизни Елена Борисовна Тимошенко, заведующая библиотекой № 26, наша неутомимая соратница по общественной работе, поэт. И это были необычные, очень светлые поминки. Именно так!

О своем диагнозе-приговоре она узнала примерно за год до смерти. Но никто из друзей ничего не знал почти до само-

го конца. Да что там друзья, ее домашние не сразу узнали. Такова была ее воля...

Узнавать о мужестве онкобольных из книг и фильмов — это одно. Общаться с таким человеком лично — совсем другое. Ни тени предательской хвори, исподтишка губившей организм, ни малейшего намека на скорбь. Она была очень красива, красива во всех смыслах: и внутренне, и внешне. Поэтому буквально всех страшно поразила новость о болезни Елены Борисовны. Та удивительная внутренняя и внешняя гармония, что была ей свойственна, которой она словно согревала всех коллег и домашних, казалось, должна была оградить и уберечь ее от несчастий. Не уберегла...

Так иногда бывает. Только Он определяет земные сроки всем. Только Ему дано сосчитать мгновения каждого в этом мире. А мы, неразумные, ропщем: Господи, ну почему ты так рано забираешь самых лучших?

Оглянитесь, люди! Ничего случайного в этом мире не бывает. У каждого из нас есть свободный выбор: либо согреть, согревая других, либо коптить потихоньку, грея лишь себя. А яркие личности, большие таланты, как правило, уходят рано. Наверное, Он видит, как тесно им в этом мире и прежде других переносит их в мир лучший.

В теплый и какой-то заплаканный вчерашним дождем день похоронили мы Елену Борисовну. И вот прошел год. В старом кафе с новым названием — поминки. Говорят многие, но всем мешают говорить слезы. А потом, растерянные, расходимся. Почему так часто людям говорят «люблю» только после их смерти?..

19 июля

Сегодня на улице дождь, и значит, прогулка отменяется. А почему бы не записать что-нибудь в дневник?

«Лето — это маленькая жизнь». Строчка из песенки Олега Митяева как нельзя лучше подходит ко мне. Зимой я — домашний. Холода, а, главное, снег сыпучий сильно затрудняют прогулки. А летом я — вольный. Летом можно ездить на моей «самоходке». Можно хоть весь день: тепло. И аккумуляторы позволяют. Поэтому так редко и стал делать записи в дневнике. Воздух воли манит к себе властно и неодолимо.

А ведь такая электрическая коляска появилась у меня всего несколько лет назад. До этого они сами возили меня на маленькой. Они — это дети. Самые обычные дети из окрестных дворов. Нет, я, конечно, общаюсь и со взрослыми. Но... С ними не так интересно. Взрослые, как правило, уже знают, что полезно говорить в той или иной ситуации, в совершенстве владеют «чувством недоверия» и, под влиянием жизненного опыта, уже далеко не так восторженно смотрят на мир.

С детьми проще. Нет еще в их головах каких-то придуманных рамок, и реагируют они на все пусть не всегда правильно, зато искренне. А иногда в их глазах сверкает такой фейерверк фантазии, о каком взрослым остается только мечтать. Дети ближе к человеческому естеству, к природе, а значит и к Богу. Подавляющее большинство детей по-особенному талантливы. Даже в таком тяжелом и мрачном месте, как интернат, нашлась-таки яркая звездочка по имени Денис. Что уж говорить о детях, которые воспитываются в домашних условиях?

Очень люблю с ними разговаривать. Им я нужен по-настоящему. С ними гораздо полезнее делиться: чувствами, знаниями, воспоминаниями, Подарками Судьбы. С ними как-то получается на равных, они очень быстро привыкают к моему внешнему облику и начинают общаться непосредственно с душой, а не с телом.

А если удастся с ними во что-то поиграть, трудно найти счастье выше этого... У нас во дворе иногда играли в необычные игры. Например, в «государство». Со своим президентом, со своими самодельными деньгами. Золотого запаса у нас, правда, не было, но зато был свинцовый. Свинца этого со временем накопилось так много, что у парня, избранного хранителем, накренился балкон. Все было, как в настоящем государстве: мальчишки что-то мастерили и продавали за самодельные деньги, чтобы потом купить у своих же что-то еще. Была своя полиция, коррупция, инфляция (правда, мы таких мудреных слов тогда еще не знали). Кстати, именно инфляция наше «государство» и сгубила: когда наделали слишком много денег, случился «кризис», как в государстве настоящем, и играть стало неинтересно.

А однажды мы стали играть в «театр» и доигрались до нешуточной затеи. Договорились репетировать в детском садике. Скамейки, домики, машинки — чем не декорации? Ох уж эти девчонки!.. Играть в «спектакле» должны были детсадовцы, а они взялись их учить. Как раз в те дни по телевидению в очередной раз показали «Новогодние приключения Маши и Вити». Эту киносказку трудно назвать шедевром, но, как и все, что сделано в славном городе Ленинграде, она была как-то по-особому душевна. Короче говоря, нравилась она нашим девчонкам. Вот ее-то они и решили перенести в свой «спектакль». Очень кстати среди детсадовцев отыскался парнишка, который, копируя киношного Витю, уморительно поправлял очки и говорил «взрослым» голосом: «Интересно-интересно...»

Ну, ладно... Все могло кончиться, как всегда: поиграли и забыли. Но тогда у меня уже был друг, Андрюша Железняк. Мой «коллега». Термин странный, зато, как сейчас говорят, политкорректный. Во всяком случае, верно отражающий наши физические способности. Точнее их почти полное отсутствие. Андрюша, как и я, смотрел на мир из инвалидной коляски.

И был у него хороший знакомый, влиятельный в комсомольских кругах человек. Андрюша как-то сразу иначе воспринял наши игры. «А почему бы нам не создать маленький детский театр?» — как-то предложил он. И в самом деле, а почему бы нет? Так начиналась наша затея: театр «Балаганчик» (или «Балаган-Чик», как острила одна из наших тогдашних воспитанниц)...

Прошло уже немало лет. Наши тогдашние воспитанники, а в основном воспитанницы (все-таки театральные коллективы в основном — девчьи) давным-давно выросли, имеют уже своих детей, но тот дворовый театр вспоминают, пожалуй, как самое сокровенное воспоминание детства. А для нас они остаются теми же девчонками, которые хорошо умели буквально доводить до слез: и своими несносными капризами, и неповторимыми мгновениями чуда точного «попадания» в роль. Да, сейчас они уже взрослые. Но разве такие «забавы» забываются?..

«Играем свое или по-своему» — таков был наш девиз. Работа шла примерно так: наши воспитанники на репетициях получали творческие задания. Например, ты — Кощей, ты — Баба-Яга. В этой сцене с вами должно произойти то-то и то-то, играйте. И ведь играли! Наговаривали, наигрывали целые сцены. Мне оставалось только записывать за ними, если и поправлял, то совсем немного. Дословно написал лишь три ключевых сцены. Вот так появилась на свет пьеса «Волшебники». Признаюсь, уйти от подражательства мне тогда не удалось. Основная сказочная «нечисть» была та же, что и в «Маше и Вите». Списанные с наших воспитанников персонажи детсадовцев и их воспитательницы и «космический» антураж — вот, пожалуй, и все оригинальные моменты. Но репетировать было очень интересно, особенно на первых порах. А потом настала осень, и работать на площадке возле детского сада стало холодно.

20 июля

Дождь за окном не унимается. Чтобы совсем тоскливо на душе не стало, продолжу воспоминания о «Балаганчике». Наверное, это одни из самых солнечных эпизодов в моей памяти.

Показывать свой спектакль мы намеревались в разных местах, «Балаганчик» же, бродячий театр. Но с наступлением холодов вопрос о репетиционном помещении становился все острее. Очень здорово помог нам тогда знакомый Андрюша, комсомольский работник. После звонка из райкома пришли мы в подростковый клуб по месту жительства. Нашелся недалеко от моего дома такой мрачноватый подвальчик.

Заведующая с уважением посмотрела мой «красный» диплом о высшем педагогическом образовании, но дать ключ от входной двери отказалась наотрез. «У нас же материальные ценности» — сказала она. Не знаю, что лежало в кладовке, которая запиралась на отдельный замок, но в зале материальные ценности действительно были: ободранный теннисный стол, расстроенное пианино, с десятое рассохшихся стульев и полинявшие шторы на окнах. Поэтому пришлось приспособливаться к графику работы воспитательницы, которую обязали впускать нас в клуб. Надо сказать, что график этот был своеобразен. Она могла опоздать на полчаса, на час. Могла не прийти совсем. Мы добросовестно мерзли перед запертой дверью, репетиции то и дело срывались, но получить ключ было нереально.

Однако, теперь у нас все же была крыша над головой. И дети стали удивительно раскрываться в творчестве. Все наши мальчики — трое — теперь были «клубни», а девочки — от шести до десяти в разное время — «клубнички», и все мы были таким «клубком», который сгодился бы любому клубу. Словотворчество не мое, это придумала наша актриса, одна из двух Анечек, «кадр» тот еще! Классная руководительница большинства детей как-то пришла к нам на «реп-

ку» (тоже «термин» Анечки) и почти не узнала своих подопечных. «Что вы сделали с моими детьми?» — спросила она меня.

Не знаю даже. Так как-то получилось...

Андрюша Железняк принимал довольно активное участие в работе. Часами советовался с ним по телефону. Несколько раз его матушка, Ирина Николаевна, даже привозила его на репетиции. Он был тогда нашим помощником, готовым в любой момент прикрыть, защитить нас. Девчонки очень уважали его. Именно с его подачи мы «пробивали» в разных инстанциях мысль о том, что забота об инвалидах — для наших воспитанников очень важный позитивный момент... Сейчас вряд ли что-то изменилось. Чуть ли не каждый день приходится доказывать, что инвалид — такой же человек, как и все. Убеждать, чтобы не боялись, чтобы разрешали нам общаться со своими детьми. Сейчас родители, напуганные всевозможными криминальными историями (вот где ТВ постаралось!), такое разрешение дают не всегда. Так бывало и раньше. Но все же...

Они сами возили меня на репетиции, помогали с одеванием и без конца что-то придумывали, придумывали. С огромным удовольствием играли они этюды на предложенные ситуации. Особенно интересно это делала Александра, бесспорно, наша самая талантливая и самоотверженная актриса. В этюде, где надо было торговаться с одним барином, она пробовала монеты на зуб. Как-то неожиданно выяснилось, что она делает это по-настоящему! Когда надо было сыграть этот этюд третий раз подряд, она шепнула мне на ухо: «Не могу. Зубы уже болят». С отработкой сцен спектакля, правда, было сложнее. Попытался им объяснить, что спектакль невозможно сделать «на одном дыхании», это работа длительная, сродни работе на заводе. Увещевания не помогали, некоторые стали все откровеннее отлынивать. Да и прохлад-

ное отношение к нам, срывы занятий, тоже не прибавляли энтузиазма в работе.

Кроме того, должен честно признаться, что опыта по «изготовлению спектаклей» в то время не имел никакого. Очень нравился сам процесс. А конечная цель, спектакль, представлялась какой-то туманной и очень далекой. Во всяком случае, такой, до которой вполне еще можно успеть. График репетиций даже в голове не держал. В результате спектакль оказался не готов ни к Новому году, ни к первому июня. Пришлось в дикой досаде прекратить работу и распустить всех на каникулы. Вот так, ничем, все могло и закончиться, но...

В первых числах июня заведующая клубом вдруг подошла ко мне и заговорила непривычно любезно. «Скоро городской фестиваль клубов, а нам некого выставить. Не могли бы вы там показать что-нибудь?» Хороший вопрос, у нас же почти все разъехались. Но все же это был неплохой шанс показать себя в деле и хоть какой-то авторитет заработать.

21 июля

Дождь, дождь...

Точно такой же лил тогда, 18 июня 1986 года, когда мы возвращались с нашего первого выступления. Но, впрочем, стоп, все по порядку.

Получив «просьбу» заведующей, собрал оставшихся девчонок, и мы вместе стали думать, что бы такое сделать к фестивалю. И тогда одна из них, Елена, сказала: «Я видела, как старшие девчонки танцевали один танец. Индийский. Некоторые движения запомнила. Можно такой же сделать». Хм, а почему бы и нет?..

Вот когда нам дали ключ! Сразу же и без малейшей опаски за все «материальные ценности». И начались упорные каждодневные репетиции...

Решили, что танцевать будут трое. Музыка подобрал из какого-то фильма. Индийская, но в современной обработке. Все-таки у нас не классический танец, а скорее игра в Индию. Вела танец Елена. Недостающие движения и шаги она придумала сама, мне оставалось только начальственным оком просмотреть их и отобрать самые, на мой взгляд, подходящие. Позаботились и о костюмах. Девчонки сходили в магазин и купили отрезы атласа трех цветов. Из них Лариса, одна наша старшая девочка, сшила изящные штанишки-«бананчики» и лифчики. В тон цвету костюма подобрали легкие платки. Волосы собирались на затылке в шишку, к которой платок-шлейф и прикреплялся. На лбу, естественно, нарисовали точки. Получились три довольно колоритных индианки (точнее, Инди-Анька, Инди-Ленка и Инди-Натка). Очень хотелось выступить безупречно, поэтому, каюсь, гонял их до изнеможения. Да и в девчонках заговорило какое-то честолюбие, они очень старались. В последний вечер перед фестивалем они прошли танец тринадцать (!) раз. Утром покрасили им ногти на ногах — танцевать надо было босиком — и, надев на них все бусы, браслеты и кольца, какие только нашлись, с замиранием сердец двинулись в пединститут, где проводился фестиваль.

Уровень выступлений откровенно разочаровал. Не хватаясь, уверенно скажу: наш номер был на голову выше того, что предложили наши «соперники». Тем обиднее была допущенная девчонками ошибка! Смотрел из-за кулис на красную от злости Елену и всерьез боялся, что она устроит «разборки» прямо на сцене. Но ничего. Сдерживая слезы, дотанцевала. А когда они выбежали за кулисы, то заголосили уже втроем. «Ну, вы, «Индия», тихо! Ваш рев уже в зале слышно!..» Но даже после этого окрика они не смогли перестать оплакивать свою неудачу. Хотя, как выяснилось, кроме нас самих, ошибки никто не заметил.

В конце нам торжественно вручили две (!) грамоты. За участие и за лучший танец. Немного непривычно было получать грамоту за танец нашему театру, которым руководили инвалиды...

Домой возвращались под проливным дождем. Никто из нас его всерьез не замечал, всех наполнила какая-то восторженная легкость. И потом, когда они сидели прямо на полу у меня дома, мы чувствовали себя близкими, почти родными. Ради такого, честное слово, стоит жить!

Елены, правда, с нами не было. По-прежнему источая слезы, она «рванула» к себе домой отдельно от всех. Слишком болезненным оказался для ее честолюбия этот сбой в танце, и никакими грамотами утешить ее было просто невозможно.

А на следующий день в помещение, где проходили наши репетиции, въехал подростковый военно-патриотический клуб. Со своими планами и распорядком работы. Формально нас никто не выгонял, пришлось уйти самим. Это был еще один «Чик» нашему «Балаганчику». И ничего от того нашего выступления на фестивале не сохранилось. Грамоты остались в клубе, видео тогда еще не было... Даже не фотографировал никто. Потом был другой клуб по месту жительства и другие «Чики». А потом страна, которой мы все гордились, пошла вразнос. Игры в театр стали не ко времени...

Елена вышла замуж, стала мамой, завела свой бизнес, найл-дизайн, высокохудожественный маникюр. Потом стала мамой во второй раз. Время от времени она звонила мне и осторожно интересовалась: не замысливается ли у меня еще какой-нибудь театр. Долгое время ответить было нечего. И вот заработала театральная студия в интернате. А недавно театральная гример Наташа не смогла прийти к одному из наших показов. Выручила Елена со своей подружкой. Они ничуть не хуже ее загримировали наших «лесных жителей»,

получилось даже в чем-то оригинальнее и симпатичней. Так Елена взяла свой «реванш»...

17 августа

«Рост» очередного сюжета — процесс непростой.

Уже давно не дает покоя, «разбухает», наполняя собой все мое естество повесть об интернате, о брошенных детях, об одиночестве и страстной жажде простого человеческого счастья. «Внутри» интернатской жизни меня не пустят, это ясно. Может быть, спустя какое-то время и удастся преодолеть этот поставленный мне барьер, и тогда получится какая-то вещь. Страшная вещь. Потому что нет ничего страшнее одиночества и несправедливости к детям». Но нельзя, невозможно ждать. Сердце болит и леденеет от страха уже сейчас. Значит, писать надо немедленно. Пока болит сердце, пока тема еще «горячая». Только так есть шанс написать что-то стоящее. Уверен, что любая стоящая вещь может быть написана только горячим сердцем. Холодная голова, конечно же, тоже необходима. Но она пригодится чуть позже, когда надо будет выверять уже написанный текст. А вот сейчас сердце все-таки важнее...

Еще раз хочу твердо заявить: я не придумываю свои сюжеты. Формально это выглядит именно так, беру «из головы». Но я их не придумываю, а скорее «угадываю», «выращиваю».

Слушать надо. Слушать что-то в небе, вокруг себя и внутри себя. И постоянно спрашивать свою интуицию: это то или не то? И очень внимательно слушать ответ. Никогда не стоит писать о том, что не чувствуешь, не ведаешь, за что не болеешь всем сердцем. Если сердце действительно болит, оно обязательно подскажет ответ.

Понимаю, что все написанное сейчас выглядит очень невнятно. Но точно описать словами этот процесс поиска сюжета вряд ли возможно. У меня какая-то вещь довольно часто

«начинается» с определенного музыкального произведения. Так случилось и на этот раз. Сейчас по радио и ТВ очень часто «гоняют» песенку группы «Тату» «Нас не догонят». Не морщитесь!.. Отодвинем в сторону и одиозность этого сомнительного проекта нашего шоу-бизнеса, и очень странный, аляповатый видеоклип на эту песню. Вспомним о том, что иногда каждому из нас хочется без оглядки сбежать куда-нибудь, если «достают». А мне вспоминается еще и страстное желание сбежать из мрачного места под названием «интернат». Вспомнится и то, что проституция и вообще все, что связано с сексом — самые запретные темы в интернате. Только произнеси хотя бы одно слово об этом, даже невзначай, — сразу же все словно воды в рот набирают. И вдруг где-то на краешке сознания появляется фигура водителя-дальнобойщика...

Так была «угадана», услышана, пережита повесть «Рыжий ветер». Многие картины были пережитыми и увиденными наяву: и стояние возле интернатского забора, и фонари на ночной бензоколонке, и битая штукатурка на полу заброшенной церкви. А соединило все жгучее желание спасти живую душу. Хотя бы одну. Хотя бы понарошку. И дышит в затылок драконье дыхание огненного рыжего ветра (название «бумкнуло» в темечко как-то неожиданно и сразу). И бьется в висках бешеный ритм: нас не догонят, нас не догонят... Как знать, если это так реально, быть может, хоть чья-то душа будет спасена по-настоящему?

30 августа

«Лилия» перестала существовать. Хотя бы часть забот об «этих», особых людях, взяло на себя другое общество, «Оптимист». Его создатель, Раиса Григорьевна Мельникова, начинала с малого. Но этой удивительной маленькой женщине с большим сердцем хотелось согреть всех, кто оказался лицом к лицу со своей бедой, болезнью, безденежьем. И, в

конечном счете, она смогла сделать совсем немало. В наше-то сумасшедшее время ей удалось найти спонсоров. Причем, это оказались по-настоящему душевные (!) люди, решившие помочь не ради некоей абстрактной благотворительности, а именно по велению души.

Помимо денежных пособий и «подарочков» (одно из любимых слов Раисы Григорьевны) в канун больших праздников устраивались вечера. Поскольку все проходило в какой-нибудь университетской столовой, приглашенных ждало обильное угощение. Однако, помимо этого была и обязательная культурная программа, викторины, конкурсы, песни под баян. Возможность выступить была у каждого. Помню, не раз читал там стихи. Может быть, и не все в хлопотах Раисы Григорьевны было безупречным. Иногда ей выражали недовольство чем-нибудь. Она страшно расстраивалась и, наверное, пила какие-нибудь лекарства от сердца. Все и всегда она делала увлеченно и бескорыстно, по велению ее горячего и неутомимого сердца. Теперь, к сожалению, об этом можно говорить только в прошедшем времени. Остановилось спокойное сердце. Понемногу, с трудом, мы оправились от потери. Сейчас на «капитанском мостике» общества «Оптимист» — Анатолий Александрович Бастриков. Ему помогает правление, спаянная команда, которую удалось создать Раисе Григорьевне. Наряду с другими в него входит ее верная помощница и соратница — Надежда Елисеевна Пивоварова. Есть новый очень интересный замысел: издать справочник о живущих в Челябинске людях с ограниченными физическими возможностями и безграничными возможностями в творчестве. Благородное и очень важное дело, начатое Раисой Григорьевной Мельниковой еще в 1991 году, не рассыпалось, не сгнуло без следа. Жаль только, что опять повторилась до боли знакомая история. По-особенному уважать и ценить человека стали только теперь, когда ее уже нет рядом...

Образно говоря, только полежав под колесами машины, начинаешь страстно любить жизнь. Всегда почему-то думал: в случае чего моя душа не станет лихорадочно цепляться за жизнь. Чего терять страннику на этой земле, с ее разбитыми дорогами, чавкающими лужами и людским равнодушием? Но вот буквально на днях...

На электроколяске приходится ездить по дорогам, хотя, если честно, это довольно страшно. Но если ехать по тротуару, почти наверняка упрешься в какой-нибудь непреодолимый бортик. Конечно, наверняка кто-то пособит, не откажут. Но я стремлюсь к самостоятельности и прибегаю к помощи прохожих лишь в исключительных случаях. Уж лучше как-нибудь по дороге... И вот стою как-то на перекрестке, на «красном» светофоре. Вдруг два молодых губошлепа на новеньком ВАЗ-21099 задним ходом выезжают с тротуара и «заваливают» меня на бок. Каким-то отрешенным взглядом вижу, что, наткнувшись на неожиданное препятствие, машина остановилась. Мысль только одна: «Вот сейчас он добавит «газу», и можно будет узнать, как теряют сознание и что бывает дальше...»

Спасли проходившие мимо женщины. Закричали, замахали руками. Основательно струхнувшие автовладельцы вылезли наружу, подняли и начали очень живо интересоваться моим самочувствием. Тут как раз и милиционер объявился. Тоже очень внимательно вопросы задавал. Но, представив испуганные глаза моей матушки, мечтал только об одном: чтобы все поскорее закончилось, ведь на мне, слава Богу, ни царапины. Вот так и отпустил этих горе-автомобилистов. «А вы с них деньги взяли?» — спросили меня в очередное воскресенье в интернате.

Нет, не взял. Хотя легко мог «раскрутить» их на солидный штраф. Коляске-то, как оказалось, был нанесен непоправимый вред. Но это выяснилось уже позже...

Из всего надо извлекать уроки. Надеюсь, что свой урок из случившегося молодые автомобилисты извлекли. И самому теперь в определенных местах приходится ездить с оглядкой. Хотя и сейчас зачастую кажется, что жизнь моя ничего не стоит, теперь уже никогда так не скажу. Слишком хорошо помню, как непостижимо хотелось жить, когда лежал там, под машиной...

15 сентября

- Алло! Пожарная?
- Да, говорите.
- Пожарьте мне картошки, пожалуйста.
- Мы не жарим. Мы только тушим.
- Ну, хорошо, потушите.

Работаю сварщиком. Могу сварить макароны, пельмени...

Звездные странствия вполне реальны. В том смысле, что существуют независимо от капризов чьего-либо сознания. Иногда это просто игра слов, как в анекдоте. Иногда и философия, и что-то совсем не шуточное. Чаще всего говорят о снах, которые снятся иногда авторам. Ну, что ж, хотя лично мне сны видятся нечасто, могу написать кое-что и об этом...

Отчетливо помню два случая, когда мне приснились песни. Первый — песня «Снежинка», на мое написанное ранее стихотворение. Ее передавали по радио в исполнении «ансамбля моряков-краснофлотцев». Да-да, именно так! Помню, что мелодия была достаточно традиционной, но красивой. Солировавший дуэт складных мужских голосов старательно выпевал каждое слово. Второй — приснилась мне народная песня, которую я никогда не слышал. Женский голос с узнаваемыми фольклорными интонациями пел на нехитрую мелодию, без сопровождения, совершенно незна-

комые мне слова. Проснулся — и сразу же, чтобы не забылось, бросился записывать. Удалось зафиксировать три куплета. «За старого богатого из города Саратова...» Что же это за песня такая? Мне ведь, как автору, фольклорные мотивы почти не свойственны. Сразу стало понятно, что это — знак. А чуть позже я вдруг понял, кто пел эту песню Кате Масловой, главной героине повести «Рыжий ветер». Так появился образ полуслепой нянечки из интерната (может быть, навеянный и «бабонькой»), человека, так и не дождавшегося в жизни счастья.

Ну а что же они, Катя и ее отец, водитель-дальнобойщик, дождутся ли они, наконец, счастья?.. Поначалу у повести был так называемый «открытый финал». Сумасшедшая гонка от милицейского патруля под аккомпанемент песни, похожей на заклинание: «Нас не догонят!» Так она заканчивалась в первоначальном варианте. Вроде бы нормально. Однако, все время царапало что-то изнутри, мешало, ныло, беспокоило неотступно. Материал, сопротивляясь, словно сам просил другого завершения. Да тут еще Лилия Николаевна сказала каким-то отрешенным голосом: «А, по-моему, они разбились...» И как-то недавно, слушая еще раз этот бешеный пульс «Нас не догонят!», я вдруг отчетливо понял: а ведь догонят. Рыжий ветер не знает пощады и жалости...

Зал судебных заседаний. Просторная светлая комната. Начинают допрашивать. Меня. Сегодня слушается мое дело. И первый же вопрос неподкупных присяжных, *tex* присяжных, поражает, словно громом: «Зачем вы ее убили?»

Собственно, у каждого автора есть два способа творчества: писать, как хочется, или писать так, как бывает в жизни. Мне очень хотелось, чтобы у Кати и ее отца все получилось, чтобы они были счастливы, чтобы жили вместе, как очень многие свободные люди. Но теперь-то, после «знакомства» с интернатом, я точно знаю, насколько несвободен мо-

жет быть человек. Как силен и коварен этот всюду идущий по пятам рыжий ветер...

Вчера рано утром, пока родители еще спали, дописал последнюю главку «После выстрела». Фразы, клокоча, вырывались изнутри, размазывал по щекам что-то соленое и еле-еле успевал записывать... Катя погибла. Ее отец ранен, но жив. Его еще ведь и судить будут, за похищение собственной дочери.

Жесткий вышел финал, даже жестокий. Но душа девочки обратилась в жаворонка. И со звонкой песней улетела куда-то, навстречу солнцу. Жизнь беспощадна, но надежда все-таки остается... Такой услышал я концовку этой истории. Вот теперь все становится на свои места, все логично и оправданно. И даже *тем* присяжным я могу сказать: «Я не убивал ее. Да, очень хотелось закончить повесть по-другому. Но б ы л о так...»

Наверное, когда-нибудь все же получится сотворить свою, новую реальность. Но, видимо, не сейчас. Жаворонок, он ведь такой маленький...

<На этом записи в моем дневнике обрываются. Видимо, это еще одна особенность людей, которых принято считать творческими. Особенность не совсем приятная, но, увы, характерная. Не всегда доводят они до конца начатое дело. С наступлением лета я стал ездить на прогулки и все реже писал в дневник. А потом и вовсе забросил его...

Прочитаевавший эти записки пусть знает, что вряд ли стоит их дополнять. Все, что хотелось сказать на этом отрезке Пути, сказано. А дальше...

Дальше еще предстоит колесить по земным дорогам и странствовать по звездным. Лучше бы подольше...

Сейчас, по прошествии времени, могу дополнить некоторые детали. Творческая студия «Соло» просуществовала в интернате два с половиной года. За это время спектакль «Секрет Ниф-нифа» был сыгран девять раз, причем дважды — на фестивалях. На «Серебряной маске» мы ничего не получили. А вот на фестивале театральных коллективов детских домов и интернатов «Шаг в небо», который проводится по инициативе известного педагога и режиссера Виктора Ивановича Савченко, нам присудили сразу три премии: «За лучший дебют», «За лучшую сценографию» и «За лучшую мужскую роль второго плана». Наш Дениска, неповторимый Нуф-нуф, получил в подарок небольшого заводного робота. И сразу же выяснилось, что все ему завидуют, особенно мальчишки.

Может быть, мы сыграли бы спектакль и еще несколько раз. Но случилась беда. Умерла девочка, игравшая белочку, Настенька. Да, пришлось пережить и такое. Вот мы гуляем на детской площадке, она что-то говорит и зябко кутается в свой тоненький зеленый плащик. А меньше, чем через неделю она уже с почерневшим лицом — в гробу. На кладбище директор пытается сказать какую-то речь, а завуч всю дорогу в автобусе как бы невзначай держит у меня перед глазами свидетельство о смерти с каким-то никчемным заключением. Весь вид этой женщины выражает одно: «Мы тут ни при чем. Не подумайте там чего». А мы ничего и не подумали. При болезни, которой страдала Настенька, такая внезапная смерть вполне возможна. Может быть, она действительно упала сама, как нам и говорили. А может быть, ей кто-то помог... Кто же захочет в этом разбираться, особенно сейчас?

Второй спектакль мы не одолели. Телесказка «Приключения Тимоши» потребовала бы больше сил и времени для постановки. А «детки» уже выросли и стали воспринимать наши занятия, как нудную «обязаловку». Ну и зачем же в таком случае огород городить?

Занятия творческой студии в интернате мы завершили. Еще долгое время каждое воскресенье мне было как-то не по себе, мы же должны быть в интернате... Сейчас понемногу привык. Но тексты не пропали зря. Выпустил книгу для детей. В нее вошли все написанные мной детские пьесы: «Секрет Ниф-нифа», «Волшебники» (ее мы репетировали еще с «Балаганчиком») и «Приключения Тимоши».

Продавал ее, как обычно, на проспекте. И, как всегда, внимательно слушал, как люди воспринимают меня и мою работу, как и о чем они говорят. Недаром, ох, недаром так много уже написано, «из какого сора растут стихи», а сюжеты «валяются под ногами». Удалось подсмотреть немало «узелков», из которых когда-нибудь «сплетутся» новые вещи. И надо будет их сплести обязательно. Ничего другого же не умею!..

Жизнь надо принимать, как экзамен. Ежедневный, ежеминутный. Экзамен по любви. К Нему и к людям. Сейчас часто можно слышать, что в жизни надо обходиться без взаимных обязательств. Никто ничего, мол, никому не должен. В смысле строительства собственной судьбы, возможно, это и верно. Делай все сам, никто не обязан тебе помогать. Но всякие думы, что от лукавого, уже спешат растянуть этот девиз необязательности на все и вся. И вот многие уже примерили эту философию, как универсальную обувь: и легко, и окружающих удобно распинывать.

И как же гладко вписывается она во всеобщее стремление «не грузиться»? Только вот как же Любовь, Совесть, Родина, наконец? Это же не просто слова. Слишком многое за этими словами стоит...

Вот и получается, что всю жизнь мы отдаем долги. Богу, который нас любит. Родителям, которые привели нас в этот мир. Другьям, которые нам помогают. А если отдавать не хотим, не стоит удивляться каким-то напастям или невезению. Отошел с пути Его — собирай ухабы да кочки.

Научиться любить — это непросто. Любовь только тогда бывает настоящей, когда становится для человека величиной абсолютной. Тогда уже не важно, любят ли в ответ. Главное — в сердце, в душе, в имени Господнем. Только обретя эту абсолютную величину, можно стать Человеком. Богатый, бедный — не главное. Главное — достойный. Сдавший земной экзамен.

В одном грузинском тосте (о, сколько мудрого юмора в этих грузинских тостах!) говорится: «Когда человек рождается, он плачет. А все вокруг улыбаются и говорят: «Здравствуй, дорогой!» Жить надо так, чтобы после смерти ты улыбался, а все вокруг плакали и говорили: «До свидания, дорогой!»»

Хочу улыбаться еще при жизни...

Андрей Середа

Дневник странника

Автор идеи: *А.Е. Попов*

Верстка *В.Б. Феркель*

Сдано в набор 21.11.08 г. Подписано в печать 2.12.08 г.

Гарнитура Петербург. Бумага офсетная.

Формат 84×108/32. Объем 3,78 усл.-печ. л.

Заказ № 164.

Тираж 300 экз.

Издательство «Цицero»

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии

ООО «Тираж Сервис»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.